

М.М. ГЛАЗКОВА, Е.Б. ПАТРАКЕЕВА, Н.Г. СЕРЕБРЕННИКОВА

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Учебное издание

ГЛАЗКОВА Марина Михайловна,
ПАТРАКЕЕВА Елена Борисовна,
СЕРЕБРЕННИКОВА Надежда Геннадиевна

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ

Учебное пособие

Редактор М.С. Анурьева
Инженер по компьютерному макетированию Т.Ю. Зотова

Подписано в печать 21.09.2009
Формат 60 × 84 / 16. 5,35 усл. печ. л. Тираж 60 экз. Заказ
№ 373

Издательско-полиграфический центр Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

УДК 81(075)
ББК Ш5(2)бя43
Г52

Рецензенты:

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии ТГУ им. Г.Р. Державина
Л.С. Моисеева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ТГТУ
Е.К. Теплякова

Глазкова, М.М.

Г5 2 Домашнее чтение : учебное пособие / М.М. Глазкова, Е.Б. Патракеева, Н.Г. Серебренникова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. – 92 с. – 60 экз. – ISBN 978-5-8265-0835-0.

Представлены адаптированные и неадаптированные тексты авторов, которые популярны в практике преподавания русского языка как иностранного. Содержит двенадцать текстов известных русских писателей: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.И. Куприна.

Предназначено иностранным учащимся (студентам, магистрантам, аспирантам, стажёрам) среднего и продвинутого уровней обучения, а также всем иностранным читателям, интересующимся классической русской литературой.

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие «Домашнее чтение» адресовано иностранным учащимся среднего и продвинутого этапа обучения, а также всем иностранным читателям, интересующимся русской литературой.

Пособие имеет следующие цели: привлечь интерес иностранных читателей к русской классической литературе; познакомить их с творчеством замечательных русских писателей, с русской историей и культурой конца XIX – первой половины XX вв., с развитием передовой русской мысли данного этапа; организовать процесс восприятия и понимания художественного текста с помощью системы заданий; обучить учащихся навыкам интерпретации художественного текста.

В учебном пособии представлены адаптированные (урок № 1, 2, 3, 4, 8, 9, 12) и неадаптированные (урок № 5, 6, 7, 10, 11) тексты авторов, которые популярны в практике преподавания русского языка как иностранного.

В пособие включено двенадцать текстов известных русских писателей: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.И. Куприна.

Работа над каждым рассказом строится по единой схеме: информация об авторе, краткий словарь, текст, вопросы и задания к тексту, развивающие навыки монологического высказывания и письма.

Сведения об авторе сопровождаются вопросами, направленными на осмысление прочитанного. Словарь содержит слова, выходящие за границы лексического минимума одного сертификационного уровня.

Вопросы направлены на формирование верного понимания идейно-тематического содержания произведения. Они

призваны стимулировать высказывания учащихся, обеспечить их участие в беседе, дискуссии.

В приложении помещены репродукции картин русских художников.

Тема 1. АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799 – 1837)

Родился в Москве, в семье, происходившей из старинного дворянского рода. Окончил Царско-сельский лицей, в котором окончательно сложился его характер, сформировалось мировоззрение, выявилось и развилось литературное дарование. Пушкин является поэтом, писателем, родоначальником

новой русской литературы, создателем русского литературного языка. От романтизма южных поэтов («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы») пришёл к реализму в драматургии («Борис Годунов»), поэзии («Евгений Онегин», «Медный всадник») и прозе («Повести Белкина», «Пиковая дама»). Повести Белкина написаны от имени мелкого дворянина Ивана Петровича Белкина. В них даны картины из жизни провинциального дворянства («Метель», «Барышня-крестьянка»), из быта мелкого чиновничества («Станционный смотритель»), из жизни бедных ремесленников («Гробовщик»). В повести «Станционный смотритель» Пушкин рассказал о жизни одного из чиновников 14 класса. Впервые в русской литературе героем повести выступает представитель «маленьких» людей, униженных и оскорблённых. В этой по-

вести нашли глубокое отражение демократические взгляды Пушкина.

➤ *Ответьте на вопросы.*

1. Какую роль в жизни Пушкина сыграл Царскосельский лицей?
2. Каково значение Пушкина в русской литературе?
3. Назовите романтические и реалистические произведения Пушкина.
4. В чём своеобразие «Повестей Белкина»?
5. Как воплотились демократические взгляды Пушкина в повести «Станционный смотритель»?
6. Как понимаете выражение «маленький» человек?

УРОК 1

✧ *Прочитайте и запомните значения слов и выражений.*

Станционный смотритель – согласно «Табели о рангах», введённой Петром I, чиновник 14-го класса, самого низшего.

Мученик – человек, который подвергается физическим или нравственным мучениям, испытывает много страданий.

Каторга – невыносимо тяжёлый труд, мучительная жизнь.

Брань – осуждающие и обидные слова; ругань.

Ямщик – возница на ямских лошадях, а также вообще возница.

Кокетка – женщина (редко также о мужчине), стремящаяся заинтересовать собой, понравиться своим поведением, нарядом.

Тройка – упряжка в три лошади.

Гусар – в царской и некоторых иностранных армиях: военнослужащий частей лёгкой кавалерии.

Кибитка – крытый экипаж, повозка.

Ни жив ни мертв (фраз.) – сильно перепуган, удручён, расстроен.

Куда глаза глядят (фраз.) – не выбирая пути, без определённого направления.

Нет ни слуху ни духу (фраз.) – никаких известий, сведений (нет, не было).

Пятак – монета или сумма в 5 копеек.

■ *Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.*

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Что такое станционный смотритель? Настоящий мученик четырнадцатого класса. Какова его должность? Настоящая каторга. В дождь и в холод, в мороз и слякоть принуждён он бегать по дворам, доставать лошадей и выслушивать претензии и брань путешественников. Плохие дороги или плохая погода, упрямый ямщик или упрямые лошади – за всё отвечает станционный смотритель, во всём виноват он. Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не ругался?

Что касается меня, то я в течение двадцати лет изъездил всю Россию, имел дело со многими станционными смотрителями, почти всех их я знаю в лицо и среди них есть у меня приятели. Память одного из них мне драгоценна, и о нём я намерен рассказать теперь моим читателям. В 1816 году, в мае месяце, случилось мне быть в дороге и попасть под проливной дождь. Приехав на станцию промокший и в дурном настроении, я потребовал поскорее чаю. «Эй, Дуня! – закричал смотритель, – поставь самовар!» Из-за перегородки вышла девочка лет четырнадцати, красота которой меня поразила. «Это

твоя дочка?» – спросил я смотрителя. «Дочка, – отвечал он с довольным видом, – да такая умная, такая проворная, вся в покойницу мать». Дуня вскоре принесла самовар, и мы втроём стали пить чай и беседовать, как будто век были знакомы. Маленькая кокетка заметила, какое впечатление произвела на меня её красота. Когда же я стал с нею разговаривать, меня поразило, что она отвечала мне без всякой робости, как девушка, видевшая свет.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился. Отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до кибитки.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на ту самую дорогу, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, Дуня уже замужем, да и смотритель уже другой.

Лошади остановились у знакомого домика. Войдя в комнату, я увидел, что всё там сильно изменилось, как в доме без хозяев. Но больше всего изменился и постарел сам смотритель. Я смотрел на его седую голову, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину – и никак не мог понять, как за какие-нибудь четыре года бодрый мужчина мог превратиться в слабого старика.

«Узнал ли ты меня? – спросил я его, – мы с тобой старые знакомые». «Может быть, – отвечал он неприветливо, – дорога большая, проезжих много у меня перебывало». «Здорова ли твоя Дуня?» – продолжал я. «А Бог её знает», – отвечал он. «Она, наверное, замужем?» – спросил я. Старик сделал вид, что не слышал моего вопроса, и продолжал читать мои документы. Я прекратил свои вопросы и попросил чаю. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш заставит старика разговориться.

Я не ошибся: выпив, он сделался разговорчив, и я узнал от него печальную повесть.

«Так вы знали мою Дуню? – начал он. – Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит. Барыни дарили ей подарки. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать или поужинать, а на самом деле, чтоб на неё подольше посмотреть. Бывало, приедет сердитый барин, начнёт на меня кричать, а при ней утихает и спокойно со мной разговаривает. Поверите ль, сударь, важные господа и офицеры подолгу с нею разговаривали. Да и дом на ней держался: прибрать, приготовить – всё успевала. А я, старый дурак, не мог наглядеться, нарадоваться на неё». И он стал рассказывать мне о своём горе.

Три года тому назад в зимний вечер подъехала тройка, и в дом вошёл офицер, требуя свежих лошадей немедленно. Лошадей не было. Офицер повысил голос, но Дуня, привыкшая к таким сценам, вышла из-за перегородки и ласково предложила проезжему чаю. Появление Дуни произвело обычное впечатление. Офицер согласился ждать и заказал себе ужин. Через некоторое время он уже весело разговаривал со зрителем и его дочерью. Зритель пошёл искать лошадей. Когда он вернулся, чтобы сказать, что лошади готовы, увидел, что молодой офицер чувствует себя так плохо, что дальше ехать сейчас не может. На другой день ему стало хуже. Слуга его поехал в город за врачом. Приехал врач, осмотрел больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски и объявил зрителю, что больному нужно спокойно полежать два дня. Гусар хорошо заплатил лекарю и пригласил его вместе пообедать. Ели оба с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольные друг другом.

Дня два гусар лежал в постели, охал, часто просил пить, и Дуня подавала ему лимонад. Она почти не отходила от постели.

ли больного. Через два дня больной встал, был весел, разговорчив, даже помогал смотрителю записывать проезжающих, а на третье утро собрался уезжать.

День был воскресный; Дуня собиралась в церковь. Гусар простился со смотрителем, щедро заплатив ему за всё, а Дуне предложил подвести её до церкви в своей кибитке. Дуня стояла молча, как будто в нерешительности. «Чего ты боишься? – сказал ей отец. – Его высокоблагородие не волк и тебя не съест. Прокатись до церкви». Дуня села в кибитку.

Потом уже бедный смотритель не мог понять, как он сам позволил Дуне ехать с гусаром и что тогда было с его разумом. Через полчаса он почувствовал какое-то беспокойство и сам пошёл в церковь. В церкви Дуни не было. Смотритель пошёл домой ни жив ни мёртв. Он ещё слабо надеялся, что Дуня решила прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать, и ожидал возвращения уехавшей тройки. Наконец к вечеру приехал ямщик с убийственным известием: «Дуня отправилась дальше с гусаром. Она всю дорогу плакала, хотя ехала, казалось, по своей охоте».

Смотритель не вынес этого несчастья, его пришлось отвезти в больницу. Едва поправившись, он попросил отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова, пешком отправился в Петербург. Из дорожных документов он знал, что гусар Минский ехал из Смоленска в Петербург. В Петербурге он остановился у знакомого и начал поиски. Ему удалось найти адрес Минского.

И вот рано утром он пришёл в его дом и попросил слугу доложить о нём. Слуга сказал, что барин спит и до одиннадцати часов никого не принимает. Смотритель возвратился в одиннадцать. «Что тебе надобно?» – спросил его Минский. Бедный отец со слезами на глазах произнёс дрожащим голосом: «Ваше благородие! Сделайте божескую милость. Отдайте мне мою бедную Дуню, ведь вы погубите её!» – «Я виноват

перед тобой, – ответил ему смущённый Минский. – Но не думай, что я покину Дуню. Она будет счастлива, даю тебе честное слово. Она любит меня и отвыкла от своей прежней жизни. Зачем она тебе?» И он сунул смотрителю деньги и выпроводил его из дома.

Смотритель долго стоял неподвижно возле подъезда, потом, придя в себя, выбросил деньги Минского и пошёл куда глаза глядят.

Через два дня смотритель опять пришёл, но его уже не пустили. Он долго бродил по Петербургу и случайно увидел, как Минский вышел из кареты около красивого трёхэтажного дома и вошёл в подъезд. Смотритель вошёл в тот же подъезд и спросил, где живёт Авдотья Самсоновна. «На втором этаже», – ответили ему. Позвонив в квартиру, Самсон сказал служанке, что он принёс барыне письмо. «Сейчас к барыне нельзя. У неё гости», – ответила служанка. Но Вырин прошёл в гостиную. В дверях он остановился. На ручке кресла, где сидел Минский, сидела прекрасно одетая Дуня и играла кудрями гусара. Увидев отца, она вскрикнула и упала без чувств. Минский вскочил и с бранью вытолкал старика за дверь.

Старик пошёл к себе на квартиру, а на другой день отправился на свою станцию. «Вот уже третий год, как живу я без Дуни и как нет об ней ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её знает. Всякое случается. Не её первую, не её последнюю соблазнил проезжий гусар, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра метут улицу. Как подумаешь порой, что и Дуня, может быть, так же пропадает, так поневоле согрешишь и пожелаешь ей могилы...».

Так закончил свой рассказ старый смотритель. Он заплакал. Простившись с ним, я долго не мог забыть его горе и думал о бедной Дуне...

Прошли годы. Совсем недавно я оказался в тех краях и решил заехать на станцию.

Станции в том месте уже не было, но домик стоял. Жили там совсем другие люди. Новая хозяйка, толстая баба, жена пивовара, сказала мне, что Самсон Вырин умер год назад. «Отчего же он умер?» – спросил я. «Спился», – отвечала она. «А нельзя ли мне увидеть его могилу?» – «Почему нельзя? Эй, Ванька! Проводи барыня на кладбище и покажи ему смотрителю могилу».

Ко мне выбежал рыжий оборванный мальчик и повёл меня за деревню.

– Ты знал Самсона Вырина? – спросил я его.

– Как не знать! Бывало, он идёт из кабака, а мы за ним: «Дедушка, дедушка! Дай орешков!» Он угощал нас орешками, научил вырезать дудочки и любил возиться с нами.

– А проезжие вспоминают его?

– Да теперь мало проезжих, станции здесь нет. Вот летом проезжала барыня, так она спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

– Какая барыня? – спросил я с любопытством.

– Прекрасная барыня, – отвечал мальчишка. – Она ехала в большой карете. Шесть лошадей! Три маленьких барчонка, нянька, собачка. Когда ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». Я хотел проводить её, но она сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром – такая добрая барыня!..

Мы пришли на бедное сельское кладбище. Мальчик показал мне могилу смотрителя, похороненного рядом с женой.

– И барыня приходила сюда? – спросил я.

– Приходила, – отвечал Ванька, – я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А потом пошла в церковь,

говорила с попом, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром – славная барыня!..

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

➤ **Вопросы и задания.**

📖 1. Расскажите о первом и о последнем приезде рассказчика на знакомую станцию, сравните его впечатления. 2. Что изменилось на станции за 3–4 года? 3. Какие вопросы задавал зрителю рассказчик и что он услышал в ответ? 4. Что рассказал зритель о приезде офицера? 5. Почему офицер, который очень спешил, задержался на станции на несколько дней? 6. Каким образом офицер увёз Дуню? 7. Что случилось со зрителем после бегства Дуни? 8. Как происходила встреча отца Дуни с офицером? 9. Как живёт теперь зритель и что он думает о судьбе Дуни? 10. Сколько рассказчиков в прочитанном тексте; о чём рассказывают они? 11. Кто главный рассказчик и кто главный персонаж рассказа? 12. Есть ли рассказ (текст) Дуни; что она могла бы рассказать о своей жизни на станции, о своём бегстве, о своей жизни в Петербурге?

📖 1. Какие нравственные, психологические и социальные вопросы нашли отражение в рассказе? 2. Связаны ли эти вопросы со временем А. Пушкина (начало XIX в.), или они вечные? 3. Можно ли рассматривать эту историю как драму? 4. Как отражена тема «маленького» человека в иллюстрациях М.В. Добужинского (см. рис. П1).

УРОК 2

📖 **Прочитайте и запомните значения слов и выражений.**

Барышня – девушка из помещичьей семьи или из интеллигентной среды.

Гусары – военные, части лёгкой кавалерии.

Батюшка – то же, что отец (устаревшее), ласково-уважительное обращение к отцу.

Имение – собственность помещика.

Предложить свою руку – попросить стать женой.

■ **Прочитайте повесть, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.**

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

(отрывок из повести)

Герои повести – соседи-помещики Иван Петрович Берестов, его сын Алексей, который только что закончил университет и приехал в имение отца, Григорий Иванович Муромский и его семнадцатилетняя дочь Лиза. Отцы не любили друг друга и не общались, поэтому Лиза, которой очень хотелось посмотреть на молодого Берестова, о котором с восторгом говорили все барышни, переделалась в крестьянское платье и пошла в лес, куда каждый день приезжал на прогулку Алексей Берестов. Так Лиза, которая назвалась дочерью кузнеца Акулиной, познакомилась с молодым барином. «Не прошло и двух месяцев, а Алексей был уже влюблён без памяти, а Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его. Они были счастливы настоящим и мало думали о будущем». Они не думали о женитьбе: Алексей – потому что понимал разницу между собой – помещиком и крестьянкою Акулиною; Лиза – потому что знала о том, какая ненависть существует между их отцами, и не надеялась на примирение.

Но однажды случилось так, что Иван Петрович Берестов и Григорий Иванович Муромский помирились и даже решили поженить детей.

Муромский думал, как ему уговорить Лизу познакомиться ближе с Алексеем, которого она видела только один раз. Казалось, они друг другу не очень понравились. Но если Алексей будет приезжать к ним каждый день, то Лиза должна будет в него влюбиться. «Время всё уладит», – думал Григорий Иванович Муромский.

Иван Петрович Берестов в тот же вечер позвал сына в свой кабинет, закурил трубку и, немного помолчав, сказал: «Что же ты, Алёша давно про военную службу не говоришь? Или уже не нравится тебе гусарский мундир?» – «Нет, батюшка, – отвечал почтительно Алексей, – я вижу, что вы не хотите, чтобы я шёл в гусары; мой долг вам повиноваться». – «Хорошо, – отвечал Иван Петрович, – вижу, что ты послушный сын; не хочу и я, чтобы ты отказывался от военной службы... Ну, а пока я хочу тебя женить».

– На ком, батюшка? – спросил удивлённый Алексей.

– На Лизавете Григорьевне Муромской, – отвечал Иван Петрович.

– Батюшка, я о женитьбе ещё не думаю.

– Ты не думаешь, так я за тебя думаю.

– Но Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

– После понравится.

– Как вам угодно, батюшка, я не хочу жениться и не женюсь.

– Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение продам, и тебе ни копейки не оставлю. Даю тебе три дня, а пока не показывайся мне на глаза.

Алексей знал, что отец не изменял своих решений, но Алексей был похож на отца, и его тоже было трудно переспорить. Он ушёл в свою комнату и стал думать о родительской власти, о Лизавете Григорьевне, об обещании отца сделать его нищим, и наконец об Акулине. В первый раз видел он ясно, что он в неё страстно влюблён; романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в

голову, и чем более он думал о своём решительном поступке, тем более находил его правильным. С некоторого времени свидания в роще были прекращены из-за дождливой погоды. Он написал Акулине письмо самым чётким почерком, объявил о грозящей им гибели и предлагал ей свою руку. Сейчас же отнёс он письмо на почту, в дупло, и лёг спать весьма довольный собою.

На другой день Алексей рано утром поехал к Муромскому, чтобы откровенно с ним объясниться. «Дома ли Григорий Иванович?» – спросил он. «Нет, – отвечал слуга. – Григорий Иванович уехал с утра». «Дома ли Лизавета Григорьевна?» «Дома». И Алексей спрыгнул с лошади и пошёл без доклада.

«Всё будет решено, – думал он, подходя к гостиной, – объяснюсь с нею самою». Он вошёл и остолбенел! Лиза... нет, Акулина, милая, смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платье, сидела перед окном и читала его письмо; она так была занята, что не слыхала, как он вошёл. Алексей вскрикнул от радости. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. «Акулина, Акулина! Друг мой, Акулина!» – повторял он, целуя её руки. В эту минуту дверь открылась, и Григорий Иванович вошёл.

«Ага! – сказал Муромский, – да у вас, кажется, дело совсем уже слажено...».

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

➤ **Вопросы и задания.**

📖 1. Прочитайте повесть целиком. 2. Почему повесть называется «Барышня-крестьянка»? 3. Как автор изображает Лизу? Что можно сказать о её характере? 4. Для чего Лиза изображала крестьянку Акулину? 5. Почему молодые влюблённые не думали о свадьбе? 6. Как отец хотел устроить жизнь своего сына? 7. Что вы можете сказать об отношении Алексея Берестова к своему отцу? Почему Алексей воспроти-

вился его воле? 8. Какие выразительные средства передают чувства главных героев во время их свиданий? Во время их встречи в доме Лизы? 9. Какова, по-вашему мнению, была развязка, о которой Пушкин не захотел писать? 10. Коротко передайте содержание повести от лица Алексея Берестова; Лизы Муромской; одного из отцов главных героев. 11. Посмотрите на иллюстрацию А.С. Пушкина «Наброски начала повести» (см. рис. П2). Наблюдаете ли вы отражение сюжета повести в иллюстрации? О чём вам говорит изображение двудликой женщины? 12. Посмотрите на иллюстрации М.В. Добужинского к пушкинской повести (см. рис. П3). Каким эпизодам соответствует каждая иллюстрация? Озаглавьте иллюстрации.

Тема 2. МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 3 (15) октября 1814 г. После смерти матери его взяла на воспитание бабушка, богатая помещица. Детство Лермонтова прошло в селе Тарханы Пензенской области, в именье бабушки. Несколько раз бабушка возила больного внука на Кавказ, на воды. Кавказ произвёл на Лермонтова неизгладимое впечатление, и многие его произведения посвящены этому краю с его неповторимой природой и людьми.

Лермонтов получил прекрасное домашнее образование – бабушка не жалела на это денег. Будущий поэт занимался живописью и музыкой, свободно владел немецким и французским языками.

В 1828 – 1830 гг. Лермонтов учился в Московском университетском благородном пансионе, получил гуманитарное образование. Во время учёбы начал писать стихи, которые вышли в альманахе воспитанников пансиона «Цефей». Большое влияние на Лермонтова оказало творчество А.С. Пушкина и Д.Г. Байрона. Он пишет «байронические поэмы»: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар» и др. Задумывает поэму «Демон», в 1829 г. пишет первую её редакцию. Всего редакций «Демона» будет множество, поэт работал над ним почти до конца жизни.

После ухода из университета Лермонтов переехал в Петербург и поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По окончании учёбы Лермонтов служит в Гусарском полку, стоявшем в Царском Селе. Много времени проводит в Петербурге, легко входит в высшее общество. Однако отношение к обществу у поэта двойное. В 1835 г. им написана драма «Маскарад», по выражению самого автора, «резкая критика на современные нравы».

В последующие годы Лермонтов пишет стихи, драматические произведения. Узнав о смерти А.С. Пушкина, Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта», за которое был послан на Кавказ в действующую армию.

Поэт горячо любил свою родину – Россию, переживал за судьбу простого народа. Эта любовь воплотилась в его стихах «Родина», «Бородино» и др. В 1940 г. Выходит его роман «Герой нашего времени», ставший значительным произведением в русской литературе. В дальнейшем Лермонтов был признан первым поэтом «послепушкинской» эпохи.

15 июля 1841 г. М.Ю. Лермонтов погиб на дуэли у подножия горы Машук.

➤ **Ответьте на вопросы.**

1. Где и как прошло детство М.Ю. Лермонтова?
2. Кто из поэтов оказал значительное влияние на творчество Лермонтова?

3. Как жизнь и творчество поэта связано с Кавказом?
4. Какие произведения М.Ю. Лермонтова вы знаете? Какие темы поднимаются в них?
5. Почему Лермонтов был признан первым поэтом «послепушкинской» эпохи?

УРОК 3

‡ *Прочитайте и запомните значения слов.*

Инвалид – человек, у которого возможности его жизнедеятельности в обществе ограничены из-за его физических или умственных отклонений.

Терек – река в Грузии.

Казбек – гора на Кавказе.

Венгерка – род куртки, отделанной мехом и расшитой металлическими шнурами спереди.

Оказия (устар.) – почтовый обоз, в сопровождении которого передвигались путешественники.

Лежанка – кровать.

Штабс-капитан (устар.) – военное звание в царской России.

Физиономия – лицо.

Кахетинское – сорт вина.

▣ *Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.*

МАКСИМ МАКСИМЫЧ

(отрывок)

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сва-

рить шей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Первый день я провёл очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились как старые приятели.

...Мы уселись: я у окна, он у затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. Об чём было нам говорить?.. Он уж рассказал мне о себе всё, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается всё шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатою стеной горы, из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...

Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начинал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; её лёгкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шёл человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея. Он был явно балованный слуга ленивого барина.

– Скажи, любезный, – закричал я ему в окно, – что это – оказия пришла, что ли?

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший подле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно.

Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в неё чемоданы.

– Послушай, братец, – спросил у него штабс-капитан, – чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. – Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал: – Я тебе говорю, любезный...

– Чья коляска?.. моего господина...

– А кто твой господин?

– Печорин...

– Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. – воскликнул Максим Максимыч, дёрнув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

– Служил, кажется, – да я у них недавно.

– Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим баринном были приятели, – прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться.

– Позвольте, сударь, вы мне мешаете, – сказал тот, нахмурившись.

– Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим баринном были друзья, жили вместе... Да где же он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н.

– Да не зайдёт ли он вечером сюда? – сказал Максим Максимыч, – или ты, любезный, не пойдёшь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдёшь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи... уж он знает...

Лакей сделал презрительную мину, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

– Ведь сейчас прибежит!.. – сказал мне Максим Максимыч с торжествующим видом, – пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я не знаком с Н...

Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушёл в свою комнату. Признаться, я также с некоторым нетерпением

ем ждал появления этого Печорина. Через час инвалид принёс кипящий самовар и чайник.

– Максим Максимыч, не хотите ли чаю? – закричал я ему в окно.

– Благодарствуйте; что-то не хочется.

– Эй, выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно.

– Ничего; благодарствуйте...

– Ну, как угодно! – Я стал пить чай один; минут через десять входит мой старик:

– А ведь вы правы: всё лучше выпить чайку, – да я всё ждал... Уж человек его давно к нему пошёл, да, видно, что-нибудь задержало.

Он наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушёл опять за ворота в каком-то беспокойстве: явно было, что старика огорчало небрежение Печорина, и тем более, что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе и ещё час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова otvorил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение, – он ничего не отвечал.

Я лёг на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы спокойно, если б, уж очень поздно, Максим Максимыч, взойдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, наконец лёг, но долго кашлял, плевал, ворочался...

...Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака гроздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчишки, неся за плечами котомки с сотовым мёдом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шёл с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость. Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлён худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, – верный признак некоторой скрытности характера. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трёх лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, выющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначающих гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были чёрные – признак породы в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза... Скажу в заключение, что он был вообще очень недурён и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам.

Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи...

Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом

жадно схватил его руку обеими руками: он ещё не мог говорить.

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как выживаете? – сказал Печорин.

– А... ты?.. а вы? – пробормотал со слезами на глазах старик, – сколько лет... сколько дней... да куда это?..

– Еду в Персию – и дальше...

– Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

– Мне пора, Максим Максимыч, – был ответ.

– Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке? как? что подельвали?

– Скучал! – отвечал Печорин, улыбаясь.

– А помните наше житьё-бытьё в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся.

– Да, помню! – сказал он, почти тотчас принужденно зевнув.

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним ещё часа два.

– Мы славно пообедаем, – говорил он, – у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про своё житьё в Петербурге... А?

– Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... – прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

– Забыть! – проворчал он, – я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

– Ну полно, полно! – сказал Печорин, обняв его дружески, – неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли ещё встретиться, – бог знает!.. – Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

– Постой, постой! – закричал вдруг Максим Максимыч, хватаясь за дверцы коляски, – совсем забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?..

– Что хотите! – отвечал Печорин. – Прощайте...

– Так вы в Персию?.. а когда вернётесь?.. – кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колёс по кремнистой дороге, – а бедный старик ещё стоял на том же месте в глубокой задумчивости...

➤ **Вопросы и задания.**

📖 1. Где происходит действие рассказа? 2. Кто является главными героями рассказа? 3. Найдите в тексте детали, характеризующие психологическое состояние Максима Максимыча, ожидающего Печорина. 4. Подумайте, почему Лермонтов так подробно описывает слугу Печорина? 5. Прочитайте описание внешности Печорина. Докажите, что это психологический портрет. 6. Найдите эпитеты, которые использует Лермонтов, описывая Печорина. Какие особенности личности они передают? 7. Какое мнение сложилось у рассказчика о Печорине? 8. Прочитайте эпизод встречи Печорина с Максимом Максимычем. Какими средствами автор передает эмоциональное состояние Печорина и Максима Максимыча? По-

попытайтесь прокомментировать подтекст их диалога. 9. Какова авторская оценка поведения главных героев? 10. Как речь характеризует героев? Какой вывод можно сделать о характерах Максима Максимыча и Печорина на основании их речи? 11. Найдите в тексте описание природы. С помощью каких эпитетов автор передает красоту окружающего мира? 12. Какую роль в рассказе играет описание природы? Как пейзаж соотносится с состоянием героев? 13. Как вы оцениваете поведение героев рассказа? 14. Какую роль играет образ рассказчика, друга Максима Максимыча? Подумайте, почему повествование ведётся от его имени?

Тема 3. ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ (1821 – 1888)

Родился в Москве, в семье врача Московской Мариинской больницы для бедных. В повестях «Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и других описывал страдания «маленького» человека как трагедию социальную. В повести «Двойник» дал психологический анализ расколотого сознания. Участник революционного кружка, Достоевский в 1849 г. был арестован и приговорен к смертной казни, заменённой каторгой с последующей службой рядовым. «Записки из Мёртвого дома» – о трагических судьбах и достоинстве человека на каторге. В романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и других содержится философское осмысление социаль-

ного и духовного кризиса России, диалогического столкновения самобытных личностей, страстные поиски общественной и человеческой гармонии, глубокий психологизм и трагизм. Творчество Достоевского оказало мощное влияние на русскую и мировую литературу.

➤ **Ответьте на вопросы.**

1. Почему Достоевский был арестован и приговорён к смертной казни?

2. Что общего в творчестве Пушкина и Достоевского? В чём своеобразие творчества Достоевского?

УРОК 4

↳ **Прочитайте и запомните значение слов.**

Связь – близкое знакомство с кем-нибудь, обеспечивающее поддержку, покровительство, выгоду.

Сытый – о том, чего много до пресыщения.

Походить – быть похожим, сходным с кем- чем-нибудь.

Разобрать – взять всё (всех) по одному, по частям.

Отложить – сохранить, не расходуя.

Приданое – имущество, даваемое невесте её семьёй для жизни в замужестве.

Гувернантка – воспитатель детей, приглашённый в семью, часто иностранец.

Вдова – женщина, у которой умер муж.

Подличать – вести себя подло, подлобострастно, совершать подлость.

■ **Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.**

ЁЛКА И СВАДЬБА

На днях я видел свадьбу... но нет! Лучше я вам расскажу про ёлку.

Ровно пять лет назад, накануне Нового года, меня пригласили на детский бал. Лицо приглашавшее было одно известное деловое лицо, со связями, с знакомством, с интригами, так что можно было подумать, что детский бал этот был предложением для родителей сойтись и поговорить.

В семейном счастье хозяина, у которого было пятеро сытеньких мальчиков, принимал участие один господин. Звали его Юлиан Мастакович. С первого взгляда можно было видеть, что он был гостем почётным. Хозяин и хозяйка говорили ему любезности, ухаживали, поили его, подводили к нему для рекомендации своих гостей, а его самого ни к кому не подводили. Я заметил, что у хозяина заискрилась слеза на глазах, когда Юлиан Мастакович сказал о вечере, что он редко проводит таким приятным образом время. Мне как-то стало страшно в присутствии такого лица, и потому, полюбовавшись на детей, я ушёл в маленькую гостиную, которая была совершенно пуста.

Дети все были очень милы, они никак не хотели походить на больших, о чём постоянно просили их гувернантки. Они разобрали всю ёлку вмиг, до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек, прежде чем узнали, кому какая предназначена. Но особенно хороша была девочка лет одиннадцати, прелестная, как амурчик, тихонькая, с большими задумчивыми глазами. Её как-то обидели дети, и потому она ушла в ту самую гостиную, где я сидел, и занялась в уголке своей куколкой. Гости с уважением указывали на одного богатого человека, её отца, и кое-кто замечал шёпотом, что за

ней уже отложено на приданое триста тысяч рублей. Я посмотрел на говорящих об этом, и взгляд мой упал на Юлиана Мастаковича, который, наклонив голову набок, как-то особенно внимательно прислушивался к словам этих господ. Потом я не мог не удивиться мудрости хозяев при раздаче детских подарков. Девочка, уже имевшая триста тысяч рублей приданого, получила богатейшую куклу. Потом следовали подарки, понижаясь по понижению рангов родителей всех этих счастливых детей. Наконец, последний ребёнок, мальчик лет десяти, маленький, худенький, рыженький, получил только одну книжку без картинок. Он был сыном гувернантки хозяйских детей, одной бедной вдовы, мальчик крайне забитый и запуганный. Одет он был в курточку из очень бедной ткани. Получив свою книжку, он долгое время ходил около других игрушек; ему ужасно хотелось поиграть с другими детьми, но он не смел; видно было, что он уже чувствовал и понимал своё положение. Я очень люблю наблюдать за детьми. Чрезвычайно любопытно в них первое самостоятельное проявление в жизни. Я заметил, что рыженькому мальчику так сильно хотелось поиграть богатыми игрушками других детей, особенно театром, что он решился поподличать. Он улыбался, заигрывал с другими детьми, отдал своё яблоко одному толстому мальчишке, у которого и так был полный платок гостинцев, и даже решился повозить одного на себе, чтоб только не отгоняли его от театра. Но через минуту какой-то озорник сильно побил его. Ребёнок не посмел заплакать. Тут появилась гувернантка, его маменька, и велела ему не мешать играть другим детям. Ребёнок вошёл в ту же гостиную, где была девочка. Она пустила его к себе, и оба принялись наряжать богатую куклу.

Я сидел уже с полчаса за цветами и почти задремал, прислушиваясь к разговору рыженького мальчика и красавицы с

тремястами тысяч приданого, как в комнату вошёл Юлиан Мастакович. До этого с минуту назад, как я заметил, он весьма горячо разговаривал с папенькой будущей богатой невесты, с которым только что познакомился, о службе. Теперь он стоял в раздумье и как будто что-то считал на пальцах.

– Триста... триста, – шептал он. – Одиннадцать, двенадцать... шестнадцать – пять лет!.. Ну, пятьсот, положим, пятьсот тысяч, по крайней мере, это обязательно; ну, излишек на тряпки, гм...

Он окончил раздумье и хотел уже выйти из комнаты, как вдруг взглянул на девочку и остановился. Он меня не видел за цветами. Мне казалось, что он был очень взволнован. Или расчёт подействовал на него, или что-нибудь другое, но он потирал руки и не мог стоять на месте. Он бросил взгляд на будущую невесту и было двинулся вперёд, но сначала огляделся кругом, потом на цыпочках, как будто чувствуя себя виноватым, стал подходить к ребёнку. Он подошёл с улыбочкой, нагнулся и поцеловал её в голову. Та, не ожидая, вскрикнула от испуга.

– А что вы тут делаете, милое дитя? – спросил он шёпотом, оглядываясь.

– Играем...

– А? С ним? – Юлиан Мастакович покосился на мальчика. – А ты бы, душенька, пошёл в зал, – сказал он ему.

Мальчик молчал и смотрел на него во все глаза. Юлиан Мастакович опять осмотрелся кругом и опять нагнулся к девочке.

– А что это у вас, куколка, милое дитя? – спросил он.

– Куколка, – отвечала девочка немножко испуганно.

– Ты бы пошёл, мальчик, в зал, к другим детям, – сказал Юлиан Мастакович, строго посмотрев на ребёнка. Девочка и

мальчик схватились друг за друга, им не хотелось расходиться.

– А знаете ли вы, почему подарили вам эту куколку? – спросил Юлиан Мастакович, говоря всё тише и тише.

– Не знаю.

– А оттого, что вы были милым и послушным дитя всю неделю.

Тут Юлиан Мастакович, взволнованный ещё больше, уже совсем еле слышным голосом спросил:

– А будете ли вы любить меня, милая девочка, когда я приду в гости к вашим родителям?

Сказав это, Юлиан Мастакович хотел ещё раз поцеловать девочку, но рыженький мальчик, видя, что она совсем хочет заплакать, схватил её за руки и сам заплакал от сочувствия к ней. Юлиан Мастакович рассердился не в шутку

– Пошёл, пошёл отсюда, пошёл! – говорил он мальчишке. – Пошёл в зал! Пошёл туда, к своим ровесникам!

– Нет, не нужно, не нужно! Уходите вы, – сказала девочка, – оставьте его, оставьте его! – говорила она плача.

Кто-то зашумел в дверях. Юлиан Мастакович тотчас поднялся, испугавшись. Но рыженький мальчик испугался ещё больше, он бросил девочку и тихонько по стенке вышел из гостиной в столовую. Юлиан Мастакович также вышел в столовую.

Я тоже вышел за уважаемым господином в столовую и увидел странную картину. Юлиан Мастакович, весь красный от злости, пугал рыжего мальчика, который не знал, куда бежать, и от страха залез под стол.

– Пошёл, что здесь делаешь, пошёл, негодник, пошёл! Ты здесь фрукты таскаешь, а? Ты здесь фрукты таскаешь? Пошёл, негодник, пошёл, сопливый, пошёл к своим ровесникам!

Разволновавшись донельзя, Юлиан Мастакович достал свой носовой платок, взял его за уголок и стал выгонять им из-под стола ребёнка, перепуганного и присмирившего до последней степени. Надо заметить, что Юлиан Мастакович был немножко толстоват, что мешало ему наклониться под стол. Но он старался, краснел, пыхтел ужасно. Так велико было в нём чувство негодования и, может быть (кто знает?), ревности. Я захохотал во всё горло.

В это время из противоположной двери вошёл хозяин. Мальчик вылез из-под стола, вытирая свою одежду. Юлиан Мастакович поспешил поднести к носу платок.

Хозяин немножко удивлённо посмотрел на нас троих. Но как человек, знающий жизнь, тотчас же воспользовался ситуацией.

– Вот-с тот мальчик-с, – сказал он, показывая на рыженького, – о котором я имел честь вас просить... Сын гувернантки моих детей, – продолжал хозяин, – бедная женщина, вдова одного честного чиновника; и потому... Юлиан Мастакович, если можно помочь...

– Ах, нет, нет, – поспешно закричал Юлиан Мастакович, – никак невозможно.

Тут он взглянул на меня одним глазом, но тотчас же отвернулся и, видимо, спросил у хозяина про меня.

Нахохотавшись, я вернулся в зал. Там Юлиан Мастакович рассыпался в похвалах о красоте, талантах, грации и воспитании милого дитя перед матерью девочки. Мать слушала его чуть ли не со слезами восторга. Отец, стоявший рядом, улыбался. Хозяин дома радовался всеобщей радости.

Недавно я проходил мимо церкви, меня поразило, как много народа собралось здесь. Кругом говорили о свадьбе. День был пасмурный, начинался мелкий дождик. Я пробрался в церковь и увидел жениха. Это был маленький, толстый че-

ловец, сильно разукрашенный. Он бегал, отдавал приказы. Наконец привезли невесту. Я увидел чудную красавицу. Говорили, что ей едва исполнилось шестнадцать лет. Она была бледна и грустна, смотрела рассеянно; мне показалось даже, что глаза её были красны от недавних слёз.

Взглянув на жениха, я вдруг узнал в нём Юлиана Мастаковича, которого не видел ровно пять лет. Я поглядел на неё... Боже мой! Я скорее направился к выходу из церкви. В толпе толковали, что невеста богата, что у неё пятьсот тысяч приданого... и на столько-то тряпками...

«Однако расчёт был хорош!» – подумал я, выйдя на улицу...

➤ *Вопросы и задания.*

☐ 1. Как автор определил, что Юлиан Мастакович был гостем особенным, почётным? 2. Почему Юлиан Мастакович был почётным гостем в семье хозяина? 3. Кто из присутствующих на празднике нравился автору? 4. О чём гувернантки просили детей? 5. Почему девочка-«амурчик» ушла от детей в гостиную? 6. О чём говорили гости, показывая на девочку и её отца? 7. Что делал Юлиан Мастакович, когда гости говорили о богатом приданом девочки? 8. Какое впечатление произвела на автора раздача детских подарков? 9. В чём проявилась особая «мудрость» хозяев при распределении подарков? 10. Чем отличался внешне от других детей сын гувернантки? 11. Что сделал рыженький мальчик, чтобы его не отогнали от игрушечного театра? 12. Что сказала рыженькому мальчику его мама, когда он хотел поиграть богатыми игрушками? 13. Почему Юлиан Мастакович вошёл в гостиную, где играли девочка и рыженький мальчик, и завёл разговор с девочкой? 14. Как разговаривал Юлиан Мастакович с девочкой? 15. Как Юлиан

Мастакович повёл себя с мальчиком? Почему? 16. Почему Юлиан Мастакович ушёл из гостиной? 17. Почему хозяин дома завёл разговор с Юлианом Мастаковичем о мальчике, когда увидел их обоих в столовой? 18. Чем был детский праздник для взрослых? 19. Что говорил о вечере хозяевам дома Юлиан Мастакович? 20. Как выглядел Юлиан Мастакович, узнавший о богатом приданом девочки, когда он вошёл в гостиную? 21. Как реагировал автор на то, что произошло в гостиной между мальчиком и Юлианом Мастаковичем? 22. О чём говорил с матерью девочки Юлиан Мастакович? 23. Какую свадьбу увидел автор, когда однажды проходил мимо церкви? 24. Почему, увидев свадьбу, автор решил рассказать нам о ёлке?

📖 1. Людей, не принадлежавших к высшему сословию, небогатых, представители высшего общества презрительно называли «кухаркины дети». Каково было положение этих людей в обществе? 2. Как вы думаете, к какому читателю обращается в этом рассказе Достоевский? Аргументируйте своё мнение. 3. Сюжет «неравный брак» был чрезвычайно популярен во времена Достоевского. Он разрабатывался многими писателями и художниками. Традиционно эта тема решалась так: бедность – причина бесправия женщины. Посмотрите на репродукцию картины художника В.В. Пукирева «Неравный брак» (см. рис. П4). Сравните решение этой темы Пукиревым и Достоевским. 4. Расскажите, есть ли подобные сюжеты в произведениях вашей культуры, и о том, как они решаются.

Тема 4. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ (1809 – 1852)

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 г. в местечке Великие г. Сорочинцы Полтавской губернии. Учился в Полтавском уездном училище и в Нежинской гимназии высших наук. В 1828 г. Гоголь приезжает в Петербург. Он пробует себя на разных поприщах. Служит в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, в департаменте уделов, работает учителем истории в Патриотическом институте. В первый период своего пребывания в столице Гоголь сильно нуждался, экономил на всём. Петербург разочаровал его. Он неуютно чувствует себя «среди этой кучи набросанных один на другой домов, грязных улиц, кипящей меркантильности...». Однако параллельно с разочарованием, которое станет для Гоголя устойчивым, именно в петербургский период начинается взлёт литературной славы писателя. В 1831 г. выходит первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а в 1832 г. – вторая часть этой книги. Эти повести получили восторженный отзыв А.С. Пушкина. В том же 1832 г. Гоголь начинает работу над «Ревизором» – самым своим значительным драматическим произведением. В Петербурге начинается работа над «Мёртвыми душами», сюжет которых, как и сюжет «Ревизора», по словам самого Гоголя, был подсказан ему Пушкиным. В 1835 г. выходят книги «Миргород» и «Арабески».

В 1836 г. Гоголь уезжает за границу. Посещает Германию, Швейцарию, Францию, Италию. Главная цель этого периода – работа над «Мёртвыми душами». В 1831 г. Гоголь приезжает в Рим. Этот город он полюбил сразу, и всякий раз он будет стремиться вернуться туда. В 1839 г. Гоголь возвращается в Россию, однако за границу он будет ездить ещё много раз. В 1842 г. выходят в свет «Мёртвые души», и в 1842 г. начинает работать над вторым томом «Мёртвых душ». Но Гоголь переживает тяжелый кризис, связанный с глубокими духовными и нравственными переживаниями. В 1845 г. Гоголь сжигает второй том «Мёртвых душ». Через год выходит книга «Выбранные места из переписки с друзьями», основой которой является глубоко религиозная идея самосовершенствования человека как начала преображения всего общества. Однако книга не имела успеха, так как религиозно-философская составляющая не была увидена критиками в прежних ранних произведениях писателя. Гоголя современники воспринимали как сатирика, а не как автора мистической и религиозно-философской литературы. «Кажется, ни один значительный русский писатель не был предметом столь длительных и ожесточённых споров ...» – заметил П.М. Бицилли. Гоголя считали писателем-юмористом, говорили о реализме его произведений. Другие, напротив, считали Гоголя провозвестником символизма и писали о «мистическом реализме» его творчества. Эти противоречивые суждения позволяют увидеть целостную картину творческого пути Гоголя, где реальное переплетается с фантастическим, где идеальный мир проникнут религиозно-нравственными идеями.

➤ ***Ответьте на вопросы.***

1. Когда начался взлёт литературной славы Н.В. Гоголя?
2. Назовите основные произведения Н.В. Гоголя.

3. Как воспринимаются произведения Н.В. Гоголя литературной критикой?

4. Познакомьтесь с высказыванием А.С. Пушкина о повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»: «Сейчас прочёл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая весёлость искренняя, непринуждённая, без жеманства. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не об-разумился».

Знакомо ли вам это произведение Н.В. Гоголя? Возможно, вы читали эти повести на родном языке?

УРОК 5

† 1. *Прочитайте и запомните значения слов и выражений.*

Колядовать – петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками.

Хата (укр.) – дом.

Парубок (укр.) – юноша, парень.

Заседатель – выборный представитель населения, привлечённый к участию в делах какого-либо учреждения.

Шинок – небольшое питейное заведение.

Комиссар – руководящее лицо с общественно-политическими, административными функциями.

Бричка – лёгкая повозка.

Люлька (укр.) – трубка для курения.

Волость – местность, область, подчинённая одной власти.

Писарь – должностное лицо для переписки и составления канцелярских бумаг.

Миряне – люди, живущие в миру, в противоположность монахам.

■ *Прочитайте отрывки из повести «Ночь перед Рождеством». Подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.*

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

(отрывок)

Последний день перед рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле. Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель, ... то он бы, верно, приметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросёнков, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другую, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестили. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с комиссаровой брички, и

тогда бы не распознал, что это такое... Только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он ... просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдёрнул её назад, как бы обжёгшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдёрнул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывало, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех.

Купец Вакула, влюблённый в девушку Оксану, пообещал ей привезти черевички (туфли), которые носит сама царица. Для этого он отправился верхом на чёрте в Петербург.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чёр-

том. Его забавляло до крайности, как чёрт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чёрт, думая, что его собираются крестить, летел ещё быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен. Все было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... много ещё дряни встречали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало своё; кузнец всё летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне.

➤ *Вопросы и задания.*

📖 1. Какие сказочные персонажи и реальные действующие лица присутствуют в данной повести? 2. Какие поступки они совершают? 3. Найдите в тексте описание месяца. Какие словесные образы создают ощущение сказки? 4. Почему Н.В. Гоголь называет своё произведение повестью? Для чего смешивает в тексте бытовое и фантастическое?

УРОК 6

Повесть «Невский проспект» входит в цикл «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя. Известный критик В.Г. Белинский писал об этой повести: «Невский проспект» есть создание столь же глубокое, сколько и очаровательное; это две полярные

стороны одной и той же жизни, это высокое и смешное обок друг другу».

✪ **Прочитайте и запомните значения слов и выражений.**

Чиновник – государственный служащий, имеющий какой-либо чин, служебное звание.

Сюртук – мужская двубортная одежда в талию с длинными полами.

Карета – большой закрытый четырёхколёсный конный экипаж.

Дрожжи – лёгкий экипаж.

Салоп – широкое женское пальто.

Департамент – отдел министерства, высшего государственного учреждения.

Коллегия – название центральных правительственных учреждений.

Бакенбарды – волосы, растущие от висков по щекам при выбритом подбородке.

Вицмундир – форменный фрак гражданских чиновников.

Титулярный советник – гражданский чин 9 класса.

Надворный советник – гражданский чин 7 класса.

Будочник – постовой полицейский, имеющий на посту будку.

Мостовая – вымощенная или покрытая асфальтом проезжая часть улицы.

☞ **Прочитайте отрывок из повести «Невский проспект». Подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.**

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

(отрывок)

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет всё. Чем не блещит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных её жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам ещё больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдёшь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ног оставило на нём следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, лёгкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам мага-

зина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нём резкую царапину, – всё вымещает на нём могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нём фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнём с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми ещё спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щёку и пьют кофий; нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавши вчера, как муха, с шоколадом, вылезает, с метлой в руке, без галстука, и швыряет им чёрствыи пироги и объедки. По улицам плетётся нужный народ: иногда переходят её русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре. Иногда сонный чиновник проpletется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это время, то есть до двенадцати часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нём. Русский мужик говорит о гривне или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою, иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеётся над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах, с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках, бегущих мол-

ниями по Невскому проспекту. В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука – никто этого не заметит.

В двенадцать часов на Невский проспект делают набегу гувернёры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих лёгеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект – педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернёров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пёстрыми, разноцветными, слабонервными подругами. Мало-помалу присоединяются к их обществу все, окончившие довольно важные домашние занятия, как-то: поговорившие с своим доктором о погоде и о небольшом прыщике, вскочившем на носу, узнавшие о здоровье лошадей и детей своих, впрочем показывающих большие дарования, прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих, наконец выпивших чашку кофию и чаю; к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным званием чиновников по особенным поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и услаждают душу! но, увы! я не служу и лишён удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё

исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложёнными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, чёрные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах Провидение отказало в чёрных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, – пёстрых, лёгких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владетельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над чёрными жуками мужеского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно отойдёте к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства. А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал её мужчина; потому что даму

так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринуждённо, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете её вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдёте, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но, однако же, ничуть не бывало: они большею частью служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казённого места в другое; или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, – словом, большею частью все порядочные люди. В это благословенное время от двух до трёх часов пополудни, которое может назваться движущею столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческий прекрасный нос, третий несёт превосходные бакенбарды, четвёртая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, осьмой – усы, повергающие в изумление. Но бьёт три часа, и выставка оканчивается, толпа редеет... В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настаёт весна: он по-

крывается весь чиновниками в зелёных вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат ещё воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они ещё не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.

С четырёх часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нём хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого по-вытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чужак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикулем и книжкою в руках, какой-нибудь артельщик, русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару, иногда низкий ремесленник; больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настаёт то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частию холостых, в тёплых сюрту-

ках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчётное; шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большею частью сидят дома, или потому, что это народ женатый, или потому, что им очень хорошо готовят кушанье живущие у них в домах кухарки-немки. Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы, которой толстые губы и щёки, нащекатуренные румянами, так нравятся многим гуляющим, а более всего сидельцам, артельщикам, купцам, всегда в немецких сюртуках гуляющим целою толпою и обыкновенно под руку.

➤ **Вопросы и задания.**

📖 1. Что такое Невский проспект? 2. Почему всем так приятен Невский проспект? 3. Кто, по словам Н.В. Гоголя, в восторге от Невского проспекта? 4. Чем Невский проспект отличается от других улиц? 5. Что можно сказать о людях, встречающихся на Невском проспекте? 6. Почему Н.В. Гоголь называет Невский проспект «всемогущим»? 7. Какие перемены происходят на Невском проспекте в течение суток? 8. Каков Невский проспект ранним утром? 9. Кого можно встретить на Невском проспекте утром? Почему Гоголь говорит, что в это время Невский проспект «не составляет ни для кого цели», а «служит только средством»? 10. Кто гуляет по Невскому проспекту в 12 часов? Почему Гоголь говорит, что в

это время Невский проспект – «педагогический Невский проспект»? 11. Кто гуляет по Невскому проспекту в два часа? Прочитайте, как Н.В. Гоголь описывает прохожих. Что Н.В. Гоголь называет «выставкой всех лучших произведений человека»? 12. Что происходит на Невском проспекте в три часа? Кто ходит по Невскому проспекту в это время? 13. Кого можно встретить на Невском проспекте после четырёх часов? 14. Каков Невский проспект в сумерки?

УРОК 7

Познакомьтесь с высказыванием известного писателя В.В. Набокова о повести «Шинель»: «Повесть обращается к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров ... Чтобы понять повесть, нужно последовать за автором по пути его сверхчеловеческого воображения». Как вы понимаете слова В.В. Набокова?

✧ Прочитайте и запомните значения слов и выражений.

Шинель – форменное пальто со складкой на спине и хлястиком.

Департамент – отдел министерства высшего государственного учреждения.

Сословие – группа лиц, объединённых профессиональными интересами.

Чиновник – государственный служащий, имеющий какой-либо чин, служебное звание.

Титулярный советник – гражданский чин 9 класса.

Вицмундир – форменный фрак гражданских чиновников.

Титул – заглавие книги.

Жалованье – денежное вознаграждение за службу, работу.

Капот – женская домашняя одежда свободного покроя.

■ **Прочитайте повесть, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.**

ШИНЕЛЬ

В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своём оскорблённым всё общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идёт дело, мы назовем *одним департаментом*. Итак, *в одном департаменте* служил *один чиновник*; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк и цветом лица что называется геморроидальным... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунили и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновенье

налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подмётки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как. Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребёнка. Матушка ещё лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семёновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трёх, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребёнка во имя мученика Хоздзата. «Нет, – подумала покойница, – имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, – проговорила старуха, – какие всё имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варах, а то Трифилий и Варахасий». Ещё перевернули страницу – вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, – сказала старуха, – что, видно, его такая судьба. Уже если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошёл Акакий Акакиевич. Ребёнка окрестили, причём он заплакал и

сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло всё это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько не переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставляли с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приёмную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать её. Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же перед ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьёт его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали

его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нём слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзённый, и с тех пор как будто всё переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых весёлых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысиною на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своём, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утончённой, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил ге-

моррой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тёр лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своём платье: вицмундир у него был не зелёный, а какого-то рыжеватого-мучного цвета. Воротничок на нём был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, попевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посматривает его же брат, молодой чиновник, простирающий до того пронизательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щёку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел всё это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесённые на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, – когда все уже отдохнуло после департаментского скрыпенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задаёт себе добровольно, больше да же, чем нужно, неутомонный человек, – когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несётся в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпенок; кто на вечер – истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, – словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по ма-

леньким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлёбывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента, – словом, даже тогда, когда всё стремится развлечься, – Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слёзы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке

перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом нато-паться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замёрзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев её хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трёх местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от неё отнимали даже благородное имя шинели и называли её капотом. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник её уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачиванье других частей её. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мешковато и некрасиво. Увидевши, в чём дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвёртом этаже по чёрной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, – разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по

всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям, и, споря с женой, называл её мирскою женщиной и немкой. Так как мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней не много было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотой, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере, при встрече с нею одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испутивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умощена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех чёрных лестницах петербургских домов, – взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошёл через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шёлку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку,

ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; уела ты меня, шельма этакая!» Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришёл именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его, «оса-дился сивухой, одноглазый чёрт». В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дёшево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать чёрт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич невольно выговорил:

– Здравствуй, Петрович!

– Здравствовать желаю, сударь, – сказал Петрович и по-косил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нёс.

– А я вот к тебе, Петрович, того...

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновенные совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...» – а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил.

– Что же такое? – сказал Петрович и обсмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начи-

ная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петель, – что всё было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таков уж обычай у портных: это первое, что он делает при встрече.

А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах, совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да ещё вот на плече одном немного попротёрлось, да вот на этом плече немножко – видишь, вот и всё. И работы немного...

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табаку, закрыл, спрятал табакерку и наконец сказал:

– Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах екнуло сердце.

– Отчего же нельзя, Петрович? – сказал он почти умоляющим голосом ребёнка, – ведь только всего что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

– Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, – сказал Петрович, – да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой – а вот уж оно и ползёт.

– Пусть ползёт, а ты тотчас заплаточку.

– Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а подуей ветер, так разлетится.

– Ну, да уж прикрепи. Как же этак, право, того!..

– Нет, – сказал Петрович решительно, – ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придёт зимнее холодное время, наделайте из неё себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придётся новую делать.

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и всё, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки.

– Как же новую? – сказал он, всё ещё как будто находясь во сне, – ведь у меня и денег на это нет.

– Да, новую, – сказал с варварским спокойствием Петрович.

– Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

То есть что будет стоить?

– Да.

– Да три полсотни с лишком надо будет приложить, – сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

– Полтора ста рублей за шинель! – вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз от роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

– Да-с, – сказал Петрович, – да ещё какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шёлковой подкладке, так и в двести войдёт.

– Петрович, пожалуйста, – говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, – как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь ещё послужила.

– Да нет, это выйдет: и работу убивать и деньги попусту тратить, – сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный.

А Петрович по уходе его долго ещё стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этако-во-то дело этакое, – говорил он сам себе, – я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... – а потом, после некоторого молчания, прибавил: – Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак». Засим последовало опять долгое молчание, после которого он произнёс: «Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошёл совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил всё плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара?» Это заставило его оглянуться и по-

воротить домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде своё положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле самом сердечном и близком. «Ну нет, – сказал Акакий Акакиевич, – теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канунешной субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет сговорчивее и шинель тогда и того...». Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и, увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович, точно, после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу и был совсем заспавшись; но при всём том, как только узнал, в чём дело, точно как будто его чёрт толкнул. «Нельзя, – сказал, – извольте заказать новую». Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. «Благодарствую, судырь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье, – сказал Петрович, – а уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим».

Акакий Акакиевич ещё было насчёт починки, но Петрович не дослышал и сказал: «Уж новую я вам сошью непременно, в этом извольте положиться, старанье приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застёгиваться на серебряные лапки под аплике».

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы

отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уж размещены и распределены вперёд. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слогe, – словом, все деньги совершенно должны были разойтись; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то все-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чёрт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмёт работать, а теперь разнесла его нелёгкая запросить такую цену, какой и сам не стоит». Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмётся сделать; однако всё же откуда взять эти восемьдесят рублей? Ещё половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запёртый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял её мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках; но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и

решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при её свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее, по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подмётки; как можно реже отдавать прачке мыть бельё, а чтобы не зашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самым временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже твёрже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность – словом, все колеблющиеся и неопределённые черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился. В продол-

жение каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придёт же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей; уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Ещё каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания – и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем в лавки. Купили сукна очень хорошего – и не мудрено, потому что об этом думали ещё за полгода прежде и редкий месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был ещё лучше шёлку и даже на вид казистей и глянцевитей. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога; а вместо её выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович проводился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей – меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно ска-

зять, в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принёс наконец шинель. Он принёс её поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили ещё более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда ещё не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором её принёс; платок был только что от прачки, он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынув шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил её сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, — вышло, что и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору. Петрович не упустил при сём случае сказать, что он так только, потому что живёт без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дешёво; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович

вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго ещё смотрел издали на шинель и потом пошёл нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть ещё раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем Акакий Акакиевич шёл в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не заметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел её кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь покрасневшись, начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник». Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотой предложе-

ние. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться. Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил её бережно на стене, налюбовавшись ещё раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расплзшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далёкая разница! И долго ещё потом за обедом он всё усмеялся, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал на постеле, пока не потемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу. Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно, по крайней мере, то, что чиновник жил в лучшей части города, – стало быть, очень не близко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населённой и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позо-

лоченными гвоздочками, – напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колёсами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на всё это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной её, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачул головой и усмехнулся и потом пошёл своею Дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, всё-таки у каждого сохраняется какое-то чутьё, или подумал он, подобно многим Другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал – ведь нельзя же залезть в душу человека и узнать всё, что он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника.

Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели всё шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с брововыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и кор-

зиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошёл в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Все это: шум, говор и толпа людей, – всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить в честь обновления по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления «видел лежавшею на полу, стряхнул её, снял с неё всякую пушинку, надел на плеча и опустил по лестнице на улицу.

На улице всё ещё было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены ещё общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги ещё доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчёт своего местопребывания. Акакий Акакиевич шёл в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошёл опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днём не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались ещё глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже – масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне её домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшей на краю света. Весёлость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», – подумал и шёл, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди

с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забилося в груди. «А ведь шинель-то моя!» – сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак величиною в чиновничью голову, примолвив: «А вот только крикни!».

Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого чёрта бежит к нему издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скром-

ности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чём дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у неё в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрёл в свою комнату, и как он провёл там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришёл в десять – сказали опять: спит; он пришёл в одиннадцать часов – сказали: да нет частного дома; он в обеденное время – но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришёл из департамента за казённым делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать, и один из них пошёл вызвать частного. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич

skonфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет. Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своём, который сделался ещё плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же, многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, – итак, сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился, по крайней мере, помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошёл не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель все-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному *значительному лицу*, что *значительное лицо*, спишась и снесясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к *значительному лицу*. Какая именно и в чём состояла должность *значительного лица*, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, ещё значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впро-

чем, он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завёл, чтобы низшие чиновники встречали его ещё на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло все порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь – титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже, таким образом, доходило дело до него. Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши её «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли её всякому приходившему, хотя в «комнате присутствия» насилу мог уставить-ся обыкновенный письменный стол. Приёмы и обычаи *значительного лица* были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и – строгость», – говаривал он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе; завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя вытыжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генераль-

ский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с равными себе, он был ещё человек как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость, тем более что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрёл таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочем, кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своём кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришёл какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: «Кто такой?» Ему отвечали: «Какой-то чиновник». – «А! может подождать, теперь не время», – сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаньями, слегка только потрепывая друг друга по ляжке и

приговаривая: «Так-то, Иван Абрамович!» – «Этак-то, Степан Варламович!» Но при всём том, однако же, велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а ещё более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: «Что вам угодно?» – голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заранее. У себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, ещё за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время, частиц «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицмейстером или другим кем и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамильярным.

– Что вы, милостивый государь, – продолжал он отрывисто, – не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы её уже мне...

– Но, ваше превосходительство, – сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нём была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, – я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...

– Что, что, что? – сказал значительное лицо. – Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!

Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет.

– Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю.

Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлёпнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошёл даже ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределённом состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх. Как сошёл с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Ака-

кий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был ещё так сильно распечён генералом, да ещё и чужим. Он шёл по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырёх сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слёг в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашёлся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем, тут же объявил ему чрез полтора суток непременный капут. После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог». Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесённые роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, – ничего этого не известно, потому что он находился всё время в бреду и жару. Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «Виноват, ваше превосходительство!» – то, наконец, даже сквернохульничал, произнося

самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, отроду не слыхав от него ничего подобного, тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство». Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не опечатаывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казённой бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому всё это досталось, Бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчёт, что не может больше прийти, и на запрос «почему?» выразился словами: «Да так, уж он умер, четвёртого

дня похоронили». Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь ещё не всё об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь. Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание.

По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом сташенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы – словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нём тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы ещё только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдёргивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мёртвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдёрнуть фризовую шинель с

какого-то отставного музыканта, свиставшего в своё время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым поручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он, точно, в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» – и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы, однако же, совершенно оставили *одно значительное лицо*, который, по-настоящему, едва ли не был причиною фантастического направления, впрочем, совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что *одно значительное лицо* скоро по уходе бедного, распечённого в пух Акакия Акакиевича почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его кабинета приезжий приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нём до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий

Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже поражённым, слышал упреки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашёл порядочное общество, а что всего лучше – все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен – словом, провёл вечер очень приятно. За ужином выпил он стакана два шампанского – средство, как известно, недурно действующее в рассуждении веселости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать ещё домой, а заехать к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: «bonjour, papa». Супруга его, ещё женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переверотивши её на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашёл приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошёл с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: «К Каролине Ивановне», – а сам, закутавшись весьма роскошно в тёплую шинель, оста-

вался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чём не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все весёлые места проведённого вечера, все слова, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вполголоса и нашёл, что они всё так же смешны, как и прежде, а потому не мудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг Бог знает откуда и неведь от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлопуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нём Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошёл все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнёс такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да ещё и распёк, – отдавай же теперь свою!» Бедное *значительное лицо* чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и вообще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» – но здесь он, подобно весьма многим, имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчёт какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже ски-

нул поскорее с плеч шинель свою и закричал кучеру не своим голосом: «Пошёл во весь дух домой!» Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кое-чем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался как стрела. Минут в шесть с небольшим значительное лицо уже был пред подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплелся кое-как до своей комнаты и провёл ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчинённым: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чём дело. Но ещё более замечательно то, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдергивали с кого шинели. Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города всё ещё показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилен, так что один раз обыкновенный взрослый поросёнок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издёвку по грошу на табак, – итак, будучи бессилен, он не посмел остановить его, а так шёл за ним в

темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» – и показало такой кулак, какого и у живых не найдёшь. Будочник сказал: «Ничего», – да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

➤ **Вопросы и задания.**

📖 1. Кто такой Акакий Акакиевич Башмачкин? 2. Где он служил? Почему ему было дано такое имя? 3. Каков был характер Акакия Акакиевича? 4. Каковы были его любимые занятия? 5. Как относились к Акакию Акакиевичу сослуживцы? 6. С какой целью Акакий Акакиевич пошёл к портному? О чём он просил его? 7. Каким образом Акакий Акакиевич решил скопить денег на новую шинель? 8. Какие перемены происходят в это время с Акакием Акакиевичем? 9. Что происходит после того как Акакий Акакиевич приобретает новую шинель? 10. Кто украл шинель у Акакия Акакиевича? 11. Как Акакий Акакиевич попытался вернуть шинель? 12. Какой разговор состоялся между Акакием Акакиевичем и «значительным лицом»? Что происходит после? 13. Что совершает призрак Акакия Акакиевича? 14. Чем заканчивается повесть?

📖 **Ответьте на вопросы.**

1. Как вы думаете, почему Н.В. Гоголь ведёт повествование от имени рассказчика?

2. В повести очень часто встречается слово «даже». Как вы думаете, почему? Найдите в тексте эти повторы и проанализируйте их.

3. Прочитайте тот отрывок, где Н.В. Гоголь изображает страсть Акакия Акакиевича к новой шинели. Почему эти чувства кажутся ничтожными?

4. Почему Н.В. Гоголь так подробно описывает портного? Какова его роль в повести?

5. Как характеризует автор «значительное лицо»?

6. Внимательно прочитайте последние абзацы повести. Кем является человек, которого преследует будочник?

☐ *Какова, на ваш взгляд, идея этой повести? Выберите из предложенных суждений то, которое кажется вам правильным.*

1. Автор повести хочет показать, что у каждого человека есть своя страсть, которая привязывает его к «внешнему миру», отдаляя от «внутреннего мира» подлинных духовных ценностей, что приводит человека к гибели.

2. Основная идея повести – потеря человеком своего места в мире, своей цели в жизни.

3. Основная идея повести – воспламенение человеческой души, её перерождение под влиянием любви, пусть даже весьма своеобразной.

4. Идея этого произведения – социальный протест против положения «бедных чиновников».

5. Идея повести – морально-этический протест («Я брат твой»).

6. Смысл этого произведения может быть выражен словами В.В. Набокова: «Окружающая действительность абсурдна, а люди – просто тихо помешанные, они стремятся к цели, кото-

рая кажется им очень важной, в то время как абсурдно-логическая сила удерживает их за никому не нужными занятиями...».

Тема 5. АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ (1860 – 1904)

Родился в городе Таганроге. Окончил медицинский факультет Московского университета. Ещё будучи студентом, он начал сотрудничать в юмористических журналах под разными псевдонимами, одним из которых был Антоша Чехонте. Чехов писал на злободневные темы и в свои не-

большие рассказы вкладывал большое содержание. Его произведения отображают разнообразные стороны русской жизни в отдельных ярких и запоминающихся деталях. Чехова привлекает работа над рассказами с широким социальным содержанием, и уже среди ранних его произведений были такие значительные, как «Толстый и тонкий», «Маска», «Хамелеон», «Анна на шее» и др. В них затрагивались насущные вопросы времени и, в частности, вопросы о социальной неспра-

ведливости, говорилось о произволе властей, угнетении народа, принижении человеческой личности, о недовольстве обывательским существованием одних и душевной смиренностью перед пошлостью других.

➤ *Ответьте на вопросы.*

1. Назовите один из псевдонимов Чехова.
2. Как Чехов начал свою литературную деятельность?
3. Почему Чехова привлекал жанр рассказа?
4. Какие проблемы современности оказались насущными для Чехова?

УРОК 8

↳ *Прочитайте и запомните значение слов и выражений.*

Пьяница – человек, неумеренно употребляющий спиртные напитки.

Мурло – грубое слова, называющее неприятного человека.

Поэтизировать – воспевать, описывать поэтичными словами.

Холостяк – неженатый человек.

Белоручка – человек, не любящий и не умеющий работать.

Губернаторская ложа – отдельное место для губернатора в театре.

Антракт – перерыв между действиями в спектакле.

Губерния – область, округ.

Вертеться, как белка в колесе – много и утомительно работать.

■ Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.

О ЛЮБВИ

На другой день к завтраку подавали очень вкусные пирожки, раков и бараньи котлеты; и пока ели, приходил наверх повар Никанор справиться, что гости желают к обеду. Это был человек среднего роста, с пухлым лицом и маленькими глазами, бритый, и казалось, что усы у него были не бриты, а выщипаны.

Алёхин рассказал, что красивая Пелагея была влюблена в этого повара. Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она шла за него, и иначе не хотел, и бранил её, когда бывал пьян, и даже бил. Когда он бывал пьян, она пряталась наверху и рыдала, и тогда Алёхин и прислуга не уходили из дому, чтобы защитить её в случае надобности.

Стали говорить о любви.

– Как зарождается любовь, – сказал Алёхин, – почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по её душевным и внешним качествам, а полюбила именно Никанора, этого мурло, – тут у нас все зовут его мурлом, – поскольку в любви важны вопросы личного счастья – всё это неизвестно и обо всём этом можно трактовать как угодно. До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сия велика есть», всё же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались

неразрешёнными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое лучшее, по-моему, – это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщать. Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай.

– Совершенно верно, – согласился Буркин. – Мы, русские порядочные люди, питаем пристрастие к этим вопросам, остающимся без разрешения. Обыкновенно любовь поэтизируют, украшают её розами, соловьями, мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами, и притом выбираем из них самые неинтересные. В Москве, когда я ещё был студентом, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякий раз, когда я держал её в объятиях, думала о том, сколько я буду выдавать ей в месяц и почём теперь говядина за фунт. Так и мы, когда любим, то не перестаём задавать себе вопросы: честно это или не честно, умно или глупо, к чему поведёт эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает – это я знаю.

Было похоже, что он хочет что-то рассказать. У людей, живущих одиноко, всегда бывает на душе что-нибудь такое, что они охотно бы рассказали. В городе холостяки нарочно ходят в баню и в рестораны, чтобы только поговорить, и иногда рассказывают банщикам или официантам очень интересные истории, в деревне же обыкновенно они изливают душу перед своими гостями. Теперь в окна было видно серое небо и деревья, мокрые от дождя, в такую погоду некуда было деваться и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать.

– Я живу в Софьине и занимаюсь хозяйством уже давно, – начал Алёхин, – с тех пор, как кончил в университете. По воспитанию я белоручка, по склонностям – кабинетный человек, но на имении, когда я приехал сюда, был большой долг, а так как отец мой задолжал отчасти потому, что много

тратил на моё образование, то я решил, что не уеду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга.

...В первые же годы меня здесь выбрали в почётные мировые судьи. Кое-когда приходилось наезжать в город и принимать участие в заседаниях съезда и окружного суда, и это меня развлекало...

...В городе меня принимали радушно, я охотно знакомился. И из всех знакомств самым основательным и, правду сказать, самым приятным для меня было знакомство с Лугановичем, товарищем председателя окружного суда. Его вы знаете оба: милейшая личность. Это было как раз после знаменитого дела поджигателей; разбирательство продолжалось два дня, мы были утомлены. Луганович посмотрел на меня и сказал:

– Знаете что? Пойдёмте ко мне обедать.

Это было неожиданно, так как с Лугановичем я был знаком мало, только официально, и ни разу у него не был. Я только на минуту зашёл к себе в номер, чтобы переодеться, и отправился на обед. И тут мне представился случай познакомиться с Анной Алексеевной, женой Лугановича. Тогда она была ещё очень молода, не старше двадцати двух лет, и за полгода до того у неё родился первый ребёнок. Дело прошлое, и теперь бы я затруднился определить, что, собственно, в ней было такого необыкновенного, что мне так понравилось в ней, тогда же за обедом для меня все было неотразимо ясно; я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встречал; и сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоде у моей матери...

И оба, муж и жена, старались, чтобы я побольше ел и пил; по некоторым мелочам, по тому, например, как оба они вместе варили кофе, и по тому, как они понимали друг друга с полуслов, я мог заключить, что живут они мирно, благополучно и что они рады гостю. После обеда играли на рояле в

четыре руки, потом стало темно, и я уехал к себе. Это было в начале весны. Затем всё лето провел я Софьиные безвыездно, и было мне некогда даже подумать о городе, но воспоминание о стройной белокурой женщине оставалось во мне все дни; я не думал о ней, но точно лёгкая тень её лежала на моей душе.

Позднью осенью в городе был спектакль с благотворительной целью. Вхожу я в губернаторскую ложу (меня пригласили туда в антракте), смотрю – рядом с губернаторшей Анна Алексеевна, и опять то же самое неотразимое, бьющее впечатление красоты и милых ласковых глаз, и опять то же чувство близости.

Мы сидели рядом, потом ходили в фойе.

– Вы похудели, – сказала она. – Вы были больны?

– Да. У меня простужено плечо, и в дождливую погоду я дурно сплю.

...На другой день я завтракал у Лугановичей; после завтрака они поехали к себе на дачу, чтобы распорядиться там насчёт зимы, и я с ними. С ними же вернулся в город и в полночь пил у них чай в тихой, семейной обстановке, когда горел камин, и молодая мать всё уходила взглянуть, спит ли её девочка. И после этого в каждый свой приезд я непременно бывал у Лугановичей. Ко мне привыкли, и я привык. Обыкновенно входил я без доклада, как свой человек.

– Кто там? – слышался из дальних комнат протяжный голос, который казался мне таким прекрасным.

– Это Павел Константиныч, – отвечала горничная или няня.

Анна Алексеевна выходила ко мне с озабоченным лицом и всякий раз спрашивала:

– Почему вас так долго не было? Случилось что-нибудь?

Её взгляд, изящная, благородная рука, которую она подавала мне, её домашнее платье, причёска, голос, шаги всякий раз производили на меня всё то же впечатление чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного. Мы беседовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своём, или же

она играла мне на рояле. Если же никого не было дома, то я оставался и ждал, разговаривал с няней, играл с ребёнком или же в кабинете лежал на турецком диване и читал газету, а когда Анна Алексеевна возвращалась, то я встречал её в передней, брал от неё все её покупки, и почему-то всякий раз эти покупки я нёс с такою любовью, с таким торжеством, точно мальчик.

Я был несчастлив. И дома, и в поле, и в сарае я думал о ней... Я всё старался понять, почему она встретила именно ему, а не мне, и для чего это нужно было, чтобы в нашей жизни произошла такая ужасная ошибка.

А приезжая в город, я всякий раз по её глазам видел, что она ждала меня; и она сама признавалась мне, что ещё с утра у неё было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду. Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались друг другу в нашей любви и скрывали её робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим. Я любил нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если у нас не хватит сил бороться с нею: мне казалось невероятным, что эта моя тихая, грустная любовь вдруг грубо оборвёт счастливое течение жизни её мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили и где мне так верили. Честно ли это?

...И она, по-видимому, рассуждала подобным же образом. Она думала о муже, о детях, о своей матери, которая любила её мужа, как сына. Если б она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать или говорить правду, а в её положении то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И её мучил вопрос: принесёт ли мне счастье её любовь, не осложнит ли она моей жизни, и без того тяжёлой, полной всяких несчастий?..

...Между тем годы шли. У Анны Алексеевны было уже двое детей. Когда я приходил к Лугановичам, прислуга улыбалась приветливо, дети кричали, что пришёл дядя Павел

Константиныч, и вешались мне на шею; все радовались. Не понимали, что делалось в моей душе, и думали, что я тоже радуюсь. Все видели во мне благородное существо. Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из её рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались и расходились, как чужие. В городе уже говорили о нас бог знает что, но из всего, что говорили, не было ни одного слова правды.

В последние годы Анна Алексеевна стала чаще уезжать то к матери, то к сестре; у неё уже бывало дурное настроение...

...Мы молчали, и все молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; о чём бы я ни говорил, она не соглашалась со мной, и если я спорил, то она принимала сторону моего противника. Когда я ронял что-нибудь, то она говорила холодно:

– Поздравляю вас.

Если, идя с ней в театр, я забывал взять бинокль, то потом она говорила:

– Я так и знала, что вы забудете.

К счастью или к несчастью, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Наступило время разлуки, так как Лугановича назначили председателем в одной из западных губерний. Нужно было продавать мебель, лошадей, дачу. Когда ездили на дачу и потом возвращались и оглядывались, чтобы в последний раз взглянуть на сад, на зелёную крышу, то было всем грустно, и я понимал, что пришла пора прощаться не с одной только дачей. Было решено, что в конце августа мы проводим Анну Алексеевну в Крым, куда посылали её доктора, а немного погодя уедет Луганович с детьми в свою западную губернию.

Мы провожали Анну Алексеевну большой толпой. Когда она уже простилась с мужем и детьми, и до третьего звонка оставалось одно мгновение, я вбежал к ней в купе, чтобы положить на полку одну из её корзинок, которую она едва не забыла; и нужно было проститься. Когда тут, в купе, взгляды наши встретились, душевные силы оставили нас обоих, я обнял её, она прижалась лицом к моей груди, и слёзы потекли из глаз; целуя её лицо, плечи, руки, мокрые от слёз, – о, как мы были с ней несчастны!

Я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было всё то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе.

Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались – навсегда. Поезд уже шёл. Я сел в соседнем купе, – оно было пусто, – и до первой станции сидел тут и плакал. Потом пошёл к себе в Софьино пешком...

Пока Алёхин рассказывал, дождь перестал и выглянуло солнце. Буркин и Иван Иванович вышли на балкон; отсюда был прекрасный вид на сад и на плёс, который теперь на солнце блестел, как зеркало. Они любовались и в то же время жалели, что этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал им с таким чистосердечием, в самом деле вертелся здесь, в этом громадном имении, как белка в колесе, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной; и они думали о том, какое, должно быть, скорбное лицо было у молодой дамы, когда он прощался с ней в купе и целовал ей лицо и плечи. Оба они встречали её в городе, а Буркин был даже знаком с ней и находил её красивой.

➤ ***Вопросы и задания.***

1. Как вы думаете, почему рассказ написан от лица главного героя? 2. Как произошла первая встреча Алёхина с Анной Алексеевной? Как вы понимаете слова героя: «...Сразу я почувствовал в ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти приветливые, умные глаза я видел уже когда-то в детстве, в альбоме, который лежал на комоду у моей матери...». 3. Как развивались отношения между героями? 4. Почему герои не говорили друг другу о своих чувствах? Правильно ли поступали они? 5. Какими из следующих слов вы можете охарактеризовать отношения героев: честные, возвышенные, уважительные, благородные, близкие, нежные, дружеские, приятельские. Мотивируйте свой ответ. 6. Какую роль играет в произведении рассказ о любви Пелагеи и повара и рассказ Буркина об отношениях со своей подругой? 7. Какова роль художественных деталей в раскрытии авторского замысла (бинокль, корзинка и т.д.)? 8. Как описание природы помогает раскрыть внутренний мир героев? 9. Согласны ли вы с утверждением Алёхина: «Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе»? В чём прав или не прав герой? Каковы ваши мысли по этому поводу? 10. Автор рассказа А.П. Чехов писал: «Влюблённость указывает человеку, каким он должен быть». Как вы понимаете это высказывание? Можно ли найти раскрытие данной фразы в рассказе?

УРОК 9

Прочитайте и запомните значения слов и выражений.

Сочельник (уст.) – вечер перед Рождеством и Крещением.

Зачинщик – тот, кто уговаривает, начинает что-нибудь неблагоприятное.

Розвальни (уст.) – низкие и широкие сани с расходящимися боками.

Башлык (уст.) – тёплый головной убор с длинными концами, который надевали поверх шапки.

Монтигомо Ястребиный Коготь – герой приключенческих романов об индейцах.

Верста (уст.) – русская мера длины.

■ *Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.*

МАЛЬЧИКИ

– Володя приехал! – крикнул кто-то во дворе.

Вся семья Королёвых бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие розвальни, и от тройки белых лошадей шёл густой туман. Сани были пусты, потому что Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пальцами развязывал башлык. Мать и тётя бросились обнимать и целовать его, сёстры подняли визг, а отец Володи с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал:

– А мы тебя ещё вчера ждали! Хорошо доехал?

– Гав! Гав! – ревел басом Милорд, огромный чёрный пёс, стуча хвостом по стенам и по мебели. Все смешалось в один сплошной радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошёл, Королёвы заметили, что, кроме Володи, в передней находился ещё один маленький человек.

– Володичка, а это кто же? – спросила шёпотом мать.

– Ах! – спохватился Володя. – Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса... Я привёз его с собой погостить у нас.

– Очень приятно, милости просим! – сказал радостно отец.

Немного погодя Володя и его друг Чечевицын, всё ещё розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в чашке.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша – самой старшей из них было одиннадцать лет, – сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевицын был такого же возраста и роста, как Володя, но худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив. Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек.

Девочки заметили, что и Володя, всегда весёлый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Он тоже был занят какими-то мыслями.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа.

В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлениями для ёлки или бегал на двор поглядеть, как делали снеговую гору, но теперь он и Чечевицын сели у окна и стали о чём-то шептаться, потом они раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая он поглядел угрюмо на Катю и спросил:

- Вы читали Майн-Рида?
- Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

Погружённый в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос. Он ещё раз поднял глаза на Катю и сказал:

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля. Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда. Знаете, кто я?

– Господин Чечевицын.

– Нет. Я Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Совершенно непонятные слова Чечевицына и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл, а всё думал о чём-то, – всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали зорко следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкралась к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото. У них для дороги было уже всё готово: пистолет, два ножа, сухари, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придётся пройти пешком несколько тысяч вёрст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю – «бледнолицый брат мой».

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя Соне, отправляясь с ней спать. – Володя привезёт нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Накануне сочельника Чечевицын рассматривал карту Азии и что-то записывал, а Володя угрюмо ходил по комнатам и ничего не ел.

К вечеру он расплакался. Идя спать, он долго обнимал отца, мать и сестёр.

Рано утром в сочельник Катя и Соня тихо поднялись с постелей и пошли посмотреть, как мальчики будут бежать в Америку. Подкрались к двери.

– Так ты не поедешь? – сердито спрашивал Чечевицын. – И без тебя обойдусь. А ещё тоже хотел охотиться на тигров, сражаться!

Володя заплакал так горько, что сёстры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

– Так ты не поедешь? – ещё раз спросил Чечевицын.

– По... поеду.

– Так одевайся.

И Чечевицын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал, как тигр, изображал пароход, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой и рычал он так, что, стоя за дверями, можно было подумать, что это тигр или лев.

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в деревню – и там не нашли. Чай потом тоже пили без мальчиков, а когда садились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. И ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку.

Но вот у крыльца остановились розвальни, и от тройки белых лошадей валил пар.

– Володя приехал! – крикнул кто-то на дворе.

И Милорд залаял басом: «Гав! гав!» Оказалось, что мальчиков задержали в городе, в Гостином дворе (там они ходили и всё спрашивали, где продаётся порох). Володя, как вошёл в переднюю, так и зарыдал и бросился матери на шею. Девочки, дрожа, с ужасом думали, что теперь будет, слышали, как па-

паша повёл Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго там говорил с ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

– Разве это так можно? – убеждал папаша. – Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевицын! Нехорошо-с! Вы зачинщик, и, надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Разве это так можно! Вы где ночевали?

– На вокзале! – гордо ответил Чечевицын.

Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына.

Когда уезжал Чечевицын, то лицо у него было суровое, и, прощаясь с девочками, он не сказал ни одного слова; только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти: «Монтигомо Ястребиный Коготь».

➤ *Вопросы и задания.*

☐ 1. Как Чехов описывает встречу Володи с семьёй? 2. Найдите в тексте описание Чечевицына. Можно ли по описанию его внешности сделать вывод о его характере? Какое впечатление произвёл мальчик на Володиных сестёр? 3. Как на этот раз вёл себя Володя? Какими художественными средствами Чехов передаёт напряжённое состояние Володи? 4. Чем были заняты все домашние? Чем были заняты мальчики? Как автор противопоставляет праздничную атмосферу в доме и странное поведение главных героев рассказа? 5. Почему Чечевицын казался девочкам непонятным и странным? Как изменилось отношение девочек к Чечевицыну после того, как они узнали его тайну? 6. Как развивались события в доме после того, как исчезли мальчики? С помощью каких глаголов передано тревожное состояние членов семьи? 7. Где и при каких обстоятельствах мальчиков задержали? 8. Как держали себя виновники после того, как снова оказались в доме Воло-

ди? 9. Сравните описание приезда мальчиков в начале и в конце рассказа. Что общего и в чём различие этих описаний?
10. Чем закончился визит Чечевицына в Володин дом?

Тема 6. ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН (1870 – 1953)

Иван Алексеевич Бунин родился в 1870 г. в Воронеже, в обедневшей дворянской семье. Свое детство он провёл на хуторе в Орловской губернии. В детстве Бунин мечтал стать художником, в годы гимназической учёбы занимался искусством живописи, ваяния. Но в семнадцать лет он напечатал своё первое стихотворение, в двадцать четыре года – первый рассказ, причём в солидном и популярном журнале «Русское богатство». В 1897 г. публикуется сборник бунинских рассказов. Поощряемый похвалами критиков, он весь отдаётся литературному творчеству.

Вскоре к молодому писателю пришло официальное признание его литературных заслуг: в 1903 г. Академия наук награждает Бунина Пушкинской премией за стихотворный сборник «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате» американского поэта Лонгфелло, воссоздавшего в этом произведении жизнь североамериканских индейцев. В 1909 г. Академия избирает Бунина своим почётным членом.

Бунин тесно связан с традициями классической литературы. С детских лет он боготворил Пушкина, Лермонтова; в молодости познакомился с Л.Н. Толстым, был частым и желанным гостем в ялтинском доме А.П. Чехова.

Ещё в предреволюционные годы в полной мере развернулся талант Бунина – прозаика, мастера рассказа, умеющего в немногих эпизодах и сценах передать характер и судьбу человека, воссоздать его психологию и язык, очертить весь окружающий его мир. Таковы рассказы «Танька», «Антоновские яблоки», «Сосны», «Лёгкое дыхание». Большую известность также приобрели его суровые реалистические повести и рассказы «Деревья», «Ночной разговор», «Суходол». Бунин И.А. не принял октябрьскую революцию и в 1920 г. покидает Россию. Начался эмигрантский период жизни в творчестве Бунина.

В 1933 г. И.А. Бунину была присуждена Нобелевская премия. Лучшее, что было написано Буниным в эмиграции овеяно чувством родины. Этим чувством овеяны многие рассказы и в особенности автобиографическая книга «Жизнь Арсентьева», посвящённая далёким впечатлениям и переживаниям детства, отрочества и юности, представляющимся И.А. Бунину заповедной, сказочной, прекрасной страной.

Произведения И.А. Бунина укрепили славу русской литературы и много раз переиздавались в нашей стране и за рубежом.

➤ ***Ответьте на вопросы.***

1. Чем увлекался И.А. Бунин в детстве и в годы гимназической учёбы?
2. Каких писателей любил И.А. Бунин?
3. Почему И.А. Бунин уехал за границу?
4. Назовите наиболее известные произведения И.А. Бунина.

УРОК 10

↳ *Прочитайте и запомните значения слов и выражений.*

Антоновка (антоновские яблоки) – сорт поздних яблок.

Бабье лето – ясные тёплые дни ранней осени.

Мещанин – лицо городского сословия, составившегося из мелких торговцев и ремесленников.

Барин – человек из привилегированных классов (помещик, дворянин).

Староста – выборное или назначенное лицо для ведения дел какого-либо небольшого общества, коллектива.

Плис (плисовый) – хлопчатобумажный бархат.

Панёва – юбка.

Шалаш – постройка из жердей, покрытых ветками, соломой, травой.

Мякина – остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье.

Пламя – горящий и светящийся раскалённый газ, огонь.

▣ *Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.*

АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ

(отрывок)

...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с тёплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для

сева, – с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето – осень ядреная»... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, – непременно в ночь, когда так славно лежать на возу, смотреть в звёздное небо, чувствовать запах дёгтя в свежем воздухе и слушать, как осторожно поскрипывает в темноте длинный обоз по большой дороге. Мужик, насыпающий яблоки, ест их с сочным треском одно за одним, но уж таково заведение – никогда мещанин не оборвёт его, а ещё скажет:

– Вали, ешь досыта, – делать нечего! На сливанье все мёд пьют.

И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок. В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством. Всюду сильно пахнет яблоками, тут – особенно. В шалаше устроены постели, стоит одностовальное ружье, позеленевший самовар, в уголке – посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякие истрёпанные пожитки, вырыта земляная печка. В полдень на ней варится великолепный кулеш с салом, вечером греется самовар, «и по саду, между деревьями, расстилается длинной полосой голубоватый дым. В праздничные же дни около шалаша – целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы. Толпятся бойкие девки-одноворки в сарафанах, сильно пах-

нущих краской, приходят «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове её «рога», – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка – плисовая, занавеска длинная, а панева – чёрно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом»...

– Хозяйственная бабочка! – говорит о ней мещанин, покачивая головою. – Переводятся теперь такие...

А мальчишки в белых замашных рубашках и коротеньких порточках, с белыми раскрытыми головами, все подходят. Идут по двое, по трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную к яблоне. Покупает, конечно, один, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах – весел. Вместе с братом, картавым, шустрым полуидиотом, который живёт у него «из милости», он торгует с шуточками, прибаутками и даже иногда «тронет» на тульской гармонике. И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идёшь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студёной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот ещё запах: в саду – костёр, и крепко тянет душистым дымом вишнёвых сучьев. В темноте, в глубине сада – сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окружённое мраком, и чьи-то чёрные, точно вырезанные из чёрного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет чёрная рука в не-

сколько аршин, то чётко нарисуются две ноги – два чёрных столба. И вдруг всё это скользнёт с яблони – и тень упадёт по всей аллее, от шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое семизвездие Стожар, ещё раз пробежишь в сад. Шурша по сухой листве, как следой, доберёшься до шалаша. Там на полянке немного светлее, а над головой белеет Млечный Путь.

– Это вы, барчук? – тихо окликает кто-то из темноты.

– Я. А вы не спите ещё, Николай?

– Нам нельзя-с спать. А, должно, уж поздно? Вон, как-то, пассажирский поезд идёт...

Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле. Дрожь переходит в шум, растёт, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: гроыхая и стуча, несётся поезд... ближе, ближе, всё громче и сердитее... И вдруг начинает стихать, глхнуть, точно уходя в землю...

– А где у вас ружьё, Николай?

– А вот возле ящика-с. Вскинешь кверху тяжёлую, как лом, одностволку и с маху выстрелишь. Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звёзды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом и чутком воздухе.

– Ух, здорово! – скажет мещанин.– Потращайте, потращайте, барчук, а то просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А чёрное небо чертят огнистыми полосками падающие звёзды. Долго глядишь в его тёмно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывёт земля под ногами. Тогда встрепенёшься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к дому... Как холодно, росисто, и как хорошо жить на свете!

➤ **Вопросы и задания.**

📖 **Объясните, как образованы выделенные слова. Как вы понимаете их?**

Подсохший сад
поредевший сад
опавшая листва
раздаются голоса и скрип телег
потрёпанные пожитки
расстилается длинный пологий голубоватый дым
поскрипывает в темноте длинный обоз.

📖 **Найдите в тексте сравнения. Как вы понимаете эти строки?**

«Воздух так чист, ...»

«... И по саду, между деревьями, расстилается ...»

«В темноте, в глубине сада – сказочная картина: точно ...»

📖 **Объясните, как вы понимаете значения выделенных слов. Составьте с ними предложения.**

«И вот ещё запах: в саду – костёр, и крепко *тянет* душистым дымом вишнёвых сучьев»

«... Чьи-то чёрные, точно вырезанные из чёрного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них *ходят* по яблоням»

«Дрожь переходит в шум, растёт, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно *выбивают* шумный такт колёса: громяхая и стуча, несётся поезд ... ближе, ближе, всё громче сердитее ...»

«Вскинешь кверху тяжёлую, как лом, одностволку и с *маху* выстрелишь»

«А чёрное небо чертят *огнистыми* полосками падающие звёзды»

«Долго глядишь в его тёмно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не *поплывёт* земля под ногами»

📖 **Ответьте на вопросы.**

1. Как вы думаете, почему рассказ называется «Антоновские яблоки»? Найдите в рассказе то место, где И.А. Бунин говорит о запахе антоновских яблок.

2. О каком времени года идёт речь в рассказе? Какая погода была в то утро, о котором вспоминает И.А. Бунин?

3. Почему мещане-садовники решают отправлять яблоки в город ночью?

4. Что нарушает «прохладную тишину утра»?

5. Что происходит в праздничные дни около шалаша?

6. Кого можно встретить на ярмарке?

7. Прочитайте описание молодой старостихи. Во что она одета?

8. Опишите мальчиков, покупающих яблоки.

9. Опишите мещанина, который продаёт яблоки.

10. Найдите в тексте описание ночного сада. Почему И.А. Бунину кажется, что он видит «сказочную картину»?

11. Найдите в тексте, как И.А. Бунин описывает шум поезда. С помощью каких глаголов автор передаёт шум поезда?

12. Как вы понимаете заключительную часть отрывка?

УРОК 11

➤ *Прочитайте статью.*

Рассказ «Тёмные аллеи» входит в сборник «Тёмные аллеи», который был создан в 1937...1945 годах. В сборник вошли тридцать восемь рассказов. Любимую книгу Бунина не случайно называют книгой любви, но любовь видится автору в трагической обречённости или недолговечности. Это связано с мироощущением писателя, с восприятием им драматичности окружающей жизни.

«Тёмные аллеи» были написаны в основном в Грассе в годы оккупации Франции. Бунин писал самозабвенно, сосредоточенно, он весь отдался написанию книги, о чём свидетельствуют его дневниковые записи. В письмах Бунин вспоминал, что, перечитывая Н.П. Огарёва, остановился на строч-

ке из его стихотворения: «Кругом шиповник алый цвел, стояла тёмных лип аллея». Он писал Н.А. Тэффи, что «все рассказы этой книги только о любви, о её «тёмных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях». Любовь в «Тёмных аллеях» чаще всего не просто кратковременна, она озаряет жизнь человека и навсегда остаётся в его памяти. На этом построено большинство сюжетов сборника.

➤ **Ответьте на вопросы.**

1. Когда и где был создан цикл рассказов «Тёмные аллеи»?
2. Сколько рассказов входит в сборник «Тёмные аллеи»?
3. Какова тема рассказов сборника? Почему именно к этой теме обращается Бунин?
4. Каков взгляд И.А. Бунина на любовь в жизни человека? С чем связано такое видение?

✧ **Прочитайте и запомните значение слов и выражений.**

Сенцы – помещение между жилой частью дома и крыльцом.

Горница – чистая половина крестьянской избы.

Образ – предмет поклонения – живописное изображение бога, святого или святых.

Мёртвых с погоста не носят – пословица о том, что невозможно вернуть или поправить.

Ума палата (фраз.) – очень умён.

Пенять на себя (фраз.) – выражение предупреждения, предостережения, угрозы: если не сделаешь так, как говорят тебе, как полагается в таком случае, будешь наказан.

↳ Познакомьтесь со следующими фактами. Они помогут вам точнее понять содержание рассказа.

- Николай I (1796 – 1855) – император России с 1825 г.
- Александр II (1818 – 1881) – император России с 1855

г.

– В России в 1497 – 1861 гг. юридически существовало так называемое крепостное право – форма зависимости крестьян от помещиков (феодалов). В редких случаях помещик мог освободить крестьянина: дать «вольную».

- «Книга Иова» – часть Библии (Ветхий Завет).

■ Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.

ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ

В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями, к длинной избе, в одной части которой была казённая почтовая станция, а в другой – частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас. В тарантасе сидел стройный старик-военный в николаевской серой шинели с бобровым воротником, ещё чернобровый, но с белыми усами; подбородок у него был пробрит и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования; взгляд был тоже вопрошающий, строгий и вместе с тем усталый.

Когда лошади стали, он взбежал на крыльцо избы.

– Налево, ваше превосходительство, – грубо крикнул кучер, и он, слегка нагнувшись от своего высокого роста, вошёл в сенцы, потом в горницу налево.

В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом; сладко пахло щами.

Приезжий сбросил на лавку шинель и оказался ещё стройнее в одном мундире, красивое лицо с тёмными глазами хранило кое-где мелкие следы оспы. В горнице никого не было, и он неприязненно крикнул:

– Эй, кто там!

Тотчас в горницу вошла тёмноволосая, тоже чернобровая и тоже ещё красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую цыганку, лёгкая на ходу, но полная.

– Добро пожаловать, ваше превосходительство, – сказала она. – Покушать изволите или самовар прикажете?

Приезжий мельком взглянул на неё и отрывисто, невнимательно ответил:

– Самовар. Хозяйка тут или служишь?

– Хозяйка, ваше превосходительство.

– Сама, значит, держишь?

– Так точно. Сама.

– Что ж так? Вдова, что ли, что сама ведёшь дело?

– Не вдова, ваше превосходительство, а надо же чем-нибудь жить. И хозяйствовать я люблю.

– Так, так. Это хорошо. И как чисто, приятно у тебя. Женщина всё время пылливо смотрела на него.

– И чистоту люблю, – ответила она. – Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать, Николай Алексеевич.

Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел:

– Надежда! Ты? – сказал он торопливо.

– Я, Николай Алексеевич, – ответила она.

– Боже мой, Боже мой! – сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на неё. – Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались? Лет тридцать пять?

– Тридцать, Николай Алексеевич. Мне сейчас сорок восемь, а вам под шестьдесят, думаю?

– Вроде этого... Боже мой, как странно!

– Что странно, сударь?

– Но всё, всё... Как ты не понимаешь?

Усталость и рассеянность его исчезли, он встал и решительно заходил по горнице, глядя в пол. Потом остановился и, краснея сквозь седину, стал говорить:

– Ничего не знаю о тебе с тех самых пор. Как ты сюда попала? Почему не осталась при господах?

– Мне господа вскоре после вас вольную дали.

– А где жила потом?

– Долго рассказывать, сударь.

– Замужем не была?

– Нет, не была.

– Почему? При такой красоте, которую ты имела?

– Не могла я этого сделать.

– Отчего не могла? Что ты хочешь сказать?

– Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила. Он покраснел до слёз и, нахмурясь, опять зашагал.

– Всё проходит, мой друг, – забормотал он. – Любовь, молодость – всё, всё. История пошлая, обыкновенная. С годами всё проходит. Как это сказано в книге Иова? «Как о воде протёкшей будешь вспоминать».

– Что кому Бог даёт, Николай Алексеевич. Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело.

Он поднял голову и, остановясь, болезненно усмехнулся:

– Ведь не могла же ты любить меня весь век!

– Значит, могла. Сколько ни проходило времени, всё одним жила. Знала, что давно вас нет прежнего, что для вас словно ничего и не было, а вот... Поздно теперь укорять, а ведь,

правда, очень бессердечно вы меня бросили, – сколько раз я хотела руки на себя наложить от обиды одной, уж не говоря обо всём прочем. Ведь было время, Николай Алексеевич, когда я вас Николенькой звала, а вы меня – помните как? И всё стихи мне изволили читать про всякие «тёмные аллеи», – прибавила она с недоброй улыбкой.

– Ах, как хороша ты была! – сказал он, качая головой. – Как прекрасна! Помнишь, на тебя все заглядывались?

– Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. И ведь это вам отдала я свою красоту. Как же можно такое забыть.

– А! Всё проходит. Всё забывается.

– Всё проходит, да не всё забывается.

– Уходи, – сказал он, отворачиваясь и подходя к окну. – Уходи, пожалуйста.

И, вынув платок и прижав его к глазам, скороговоркой прибавил:

– Лишь бы Бог меня простил. А ты, видно, простила. Она подошла к двери и приостановилась:

– Нет, Николай Алексеевич, не простила. Раз разговор коснулся наших чувств, скажу прямо: простить я вас никогда не могла. Как не было у меня ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя. Ну да что вспоминать, мёртвых с погоста не носят.

– Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей, – ответил он, отходя от окна уже со строгим лицом. – Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни, не думай, пожалуйста. Извини, что, может быть, задеваю твоё самолюбие, но скажу откровенно, – жену я без памяти любил. А изменила, бросила меня ещё оскорбительней, чем я тебя. Сына обожал, – пока рос, каких только надежд на него не возлагал! А вышел негодяй, мот, наглец, без сердца, без чести, без совести... Впрочем, всё это тоже самая обыкновенная, пошлая история. Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни.

Она подошла и поцеловала у него руку, он поцеловал у неё.

– Прикажи подавать...

Когда поехали дальше, он хмуро думал: «Да, как прелестна была! Волшебна прекрасна!» Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда. «Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?»

К закату проглянуло бледное солнце. Кучер тоже что-то думал. Наконец сказал с серьёзной грубостью:

– А она, ваше превосходительство, всё глядела, как мы уезжали. Верно, давно изволите знать её?

– Давно, Клим.

– Баба – ума палата. И всё, говорят, богатеет. Деньги в рост даёт.

– Это ничего не значит.

– Как не значит! Кому же не хочется получше пожить! Если с совестью давать, худого мало. И она, говорят, справедлива на это. Но крута! Не отдал вовремя – пеняй на себя.

– Да, да, пеняй на себя... Погоняй, пожалуйста, как бы не опоздать нам к поезду...

Низкое солнце жёлто светило на пустые поля, лошади ровно шлёпали по лужам. Он глядел на мелькавшие подковы, сдвинув чёрные брови, и думал:

«Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! «Кругом шиповник алый цвёл, стояли тёмных лип аллеи...» Но, Боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил её? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»

И, закрывая глаза, качал головой.

➤ **Вопросы и задания.**

📖 **Скажите, какой общий корень имеют выделенные слова. Уточните их значение по словарю.**

1. Стояла холодная осень. В избе была *постоялая* горница. Николай Алексеевич *остановился* у окна. 2. Николай Алексеевич и Надежда встретились в *хмурый* осенний день. Он слушал её и *хмурился*. 3. Разговор с хозяйкой проезжий начал *неприязненно*. В горнице было тепло и *приятно*. 4. Женщина была красива не по *возрасту*. Военный был высокого *роста*. Надежда *выросла* в господском доме. Она даёт деньги *вроет*. 5. Хозяйка спросила: «Покушать *изволите?*» Господа дали Надежде *вольную*. Надежда напомнила Николаю Алексеевичу: «Всё стихи мне *изволили* читать». 6. Проезжий *мельком* посмотрел на хозяйку. Старик смотрел на *мелькавшие* подковы лошадей. 7. Надежда умеет себя прилично *держаться* в обществе. Надежда – *содержательница* постоялой горницы. Она сама *держит* частную горницу. 8. Проезжий *спрашивал*, а хозяйка отвечала. Он задавал *вопрос* за вопросом. У приезжего был *вопрошающий* взгляд. 9. Надежда *прямо* сказала, что никогда не простит Николая Алексеевича. Услышав своё имя, приезжий *выпрямился*. 10. Перед *закатом* появилось солнце. К почтовой станции *подкатил* тарантас.

📖 1. Когда и где произошла эта встреча? 2. Кто такой Николай Алексеевич и кто такая Надежда? 3. Что нового узнали друг о друге Николай Алексеевич и Надежда? 4. Как вы думаете, Николай Алексеевич искренне говорил, что потерял в Надежде самое дорогое? 5. Что значило для каждого из них то, что они поцеловали друг у друга руку? 6. Поступил бы Николай Алексеевич по-другому, если бы он мог вернуться в свою молодость? 7. Почему он не видел никакой перспективы для их отношений? 8. Докажите примерами из текста рассказа, что Надежда – хорошая хозяйка. Опишите её горницу. Как вы думаете, могла бы Надежда справиться с ролью хозяйки богатого петербургского дома? (для справок: аккуратный,

вежливый, вкусно готовить, иметь средства, опрятный, предупредительный к гостям, трудолюбивый). 9. Что вы думаете о характере Надежды? (для справок: не жаловаться, прямой, сдержанный, справедливый, умный. 10. Что вы думаете о характере Николая Алексеевича? (для справок: барин, высокомерный, противоречивый, сентиментальный, строгий, требовательный). 11. Вспомните, что Николай Алексеевич рассказал о своём сыне. Сравните отца и сына. (У русских есть поговорка «Яблочко от яблоньки недалеко падает».) 12. Опишите внешность героев, используя конструкции *человек какого роста/с какими глазами (бровями, волосами, усами), быть каким/в чём*. 13. Автор называет Николая Алексеевича стариком, о Надежде говорит, что она «красива не по возрасту». Вы помните, сколько им лет? Изменились ли представления о возрасте за полтора века? Если изменились, то как и с чем это связано? 14. Можно сказать, что в жизни наших героев наступила осень. С чем они пришли к этому периоду своей жизни?

1. Николай Алексеевич считает, что с ними случилась «самая обыкновенная, пошлая история». Вы можете согласиться с этим утверждением?

2. Как вы думаете, Николай Алексеевич и Надежда – жертвы обстоятельств, социальных условностей или кузнецы своего счастья? Вспомните, как кончается рассказ. Что могут символизировать подковы и закрытые глаза Николая Алексеевича?

1. Какие события из жизни героев выбрал автор, чтобы рассказать нам истории их судеб?

2. Только ли эти события были в жизни Надежды и Николая Алексеевича? Почему писатель выбрал именно их?

3. Почему Бунин не рассказал нам подробнее историю семейной жизни Николая Алексеевича?

4. Прочитайте высказывание И. Бунина: «Мы живём всем тем, чем живем, лишь в той мере, в какой постигаем цену того, чем живём. Обычно это цена очень мала: возвышается она лишь в минуты восторга – восторга счастья или несчастья, яркого сознания приобретения или потери; ещё – в минуты поэтического преображения прошлого в памяти». Как вы поняли слова И. Бунина?

5. Как эти слова соотносятся с рассказом «Тёмные аллеи»? Какие моменты в жизни человека позволяют постичь цену того, чем он живёт?

6. Почему, по вашему мнению, рассказ называется «Тёмные аллеи»?

7. Посмотрите на иллюстрации Г. Новожилова. Сопоставьте на образно-эмоциональном уровне иллюстрацию 6 и рассказ И. Бунина «Тёмные аллеи». Насколько точно художнику удалось воссоздать бунинский образ Надежды (см. рис. П5)?

Тема 7. АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН (1870 – 1938)

Куприн Александр Иванович родился в г. Наровчат Пензенской губернии в небогатой дворянской семье чиновника. Учился в кадетском корпусе и в Александровском военном училище, откуда был выпущен подпоручиком в 1890 г. Во время службы в армии написал повесть, рассказы. В 1894 г. Куприн вышел в отставку и, переехав в Киев, стал профессиональным литера-

тором, выступавшим с рассказами, очерками, фельетонами, рецензиями, репортажами. Писатель много странствовал по России, перепробовав множество профессий, жадно впитывая жизненные впечатления, которые стали основой его будущих произведений.

Прежде чем написать о чём-то, Куприн старался хорошо изучить этот материал. В совершенстве знать то, о чём пишешь, – был главный творческий принцип писателя. Прежде чем взяться за повесть «Молох», он объехал все заводы и шахты Донецкого бассейна, а потом несколько месяцев сам работал на рельсoproкатном заводе, наблюдал за жизнью рабочих и их трудом.

В 1901 г. Куприн переехал в Петербург и сразу же включился в активную литературную жизнь. Вместе с известными русскими писателями А. Горьким, И. Буниным, Л. Толстым и др. он принимал участие в создании сборников «Знание». В этом же издательстве вышел первый том произведений Куприна, тепло встреченный читателями и критиками.

В 1905 г. повесть «Поединок» принесла Куприну большую известность. Позже его великолепные произведения «Суламифь», «Гранатовый браслет», «Гамбринус» и др. обратили на себя внимание издателей. Темы, затрагиваемые Куприным в своих произведениях, очень разнообразны. Это и природа, и животные, и темы любви, дружбы, человеческих отношений, и жизнь различных слоёв общества. «Сколь огромна должна быть сила перевоплощения, чтобы так страдать со своими героями!» – написал о произведениях Куприна критик Д. Батюшков.

С 1919 по 1937 гг. Куприн проживал в Париже, где вышел его автобиографический роман «Юнкера».

Русский писатель К. Паустовский сказал о Куприне: «Мы должны быть благодарны ему за всё – за его глубокую человечность, за его тончайший талант, за любовь к своей стране, за непоколебимую веру в счастье своего народа и, наконец, за

никогда не умиравшую в нём способность загораться от самого незначительного соприкосновения с поэзией и свободно и легко писать об этом».

➤ **Ответьте на вопросы.**

1. Как Куприн начинал свой путь в литературе?
2. Каков был главный творческий принцип писателя?
3. Какие темы поднимал Куприн в своих произведениях?
4. За что, по мнению К. Паустовского, читатели должны быть благодарны Куприну?

УРОК 12

↳ **Прочитайте и запомните значение слов.**

Веко – подвижная кожная складка, закрывающая глазное яблоко.

Посапывать (разг.) – сопеть негромко, с перерывами.

Лакомство – сласти.

Гаснуть (перен.) – ослабевать, терять силы.

▣ **Прочитайте рассказ, подготовьтесь ответить на вопросы и выполнить задания.**

СЛОН

Маленькая девочка нездорова. Каждый день к ней ходит доктор Михаил Петрович, которого она знает уже давно-давно. А иногда он приводит с собою ещё двух докторов, незнакомых. Они переворачивают девочку на спину и на живот, слушают что-то, приложив ухо к телу, оттягивают вниз нижнее веко и смотрят. При этом они как-то важно посапывают, лица у них строгие, говорят они между собою на непонятном языке.

Потом переходят из детской в гостиную, где их дожидается мама. Мама глядит на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный доктор говорит громко:

– Главное, – не давайте ей скучать. Исполняйте все её капризы.

– Ах, доктор, но она ничего не хочет!

– Ну, не знаю... вспомните, что ей нравилось раньше, до болезни. Игрушки... какие-нибудь лакомства...

– Нет, нет, доктор, она ничего не хочет...

– Ну, постарайтесь её как-нибудь развлечь... Даю вам честное слово, что если вам удастся её рассмешить, развеселить, – то это будет лучшим лекарством. До свидания, сударыня!

...Но однажды утром девочка просыпается немного бодрее, чем всегда. Она что-то видела во сне, но никак не может вспомнить, что именно, и смотрит долго и внимательно в глаза матери.

– Мама... а можно мне... слона? Только не того, который нарисован на картинке... Можно?

– Конечно, моя девочка, конечно, можно.

Она идёт в кабинет и говорит папе, что девочка хочет слона. Через полчаса папа возвращается с дорогой, красивой игрушкой. Это большой серый слон, который сам качает головою и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка и в ней сидят трое маленьких человечков. Но девочка глядит на игрушку так же равнодушно, как на потолок и на стены, и говорит вяло:

– Нет. Это совсем не то. Я хотела настоящего, живого слона, а этот мёртвый. Ты мне привези хоть маленького, только живого. Хоть слонёнка...

...Через два часа папа сидит в цирке, в первом ряду, и смотрит, как учёные звери по приказанию хозяина выделывают разные штуки. Под конец выводят слонов. Особенно отличается самый большой слон. Он становится сначала на задние лапы, садится, становится на голову, ногами вверх, ходит

по деревянным бутылкам, ходит по катящейся бочке, переворачивает хоботом страницы большой картонной книги и, наконец, садится за стол и, повязавшись салфеткой, обедает, совсем как благовоспитанный мальчик.

Представление оканчивается. Зрители расходятся. Надин отец подходит к толстому немцу, хозяину зверинца. Хозяин стоит за дощатой перегородкой и держит во рту большую чёрную сигару.

– Извините, пожалуйста, – говорит Надин отец. – Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мне домой на некоторое время?

Немец от удивления широко открывает глаза и даже рот, отчего сигара падает на землю. Но отец поспешно объясняет, в чём дело: его единственная дочь, Надя, больна какой-то странной болезнью, которой даже доктора не понимают как следует. Она лежит уж месяц в кровати, худеет, слабеет с каждым днём, ничем не интересуется, скучает и потихоньку гаснет.

...Ночью слона ведут в гости к больной девочке.

...Слон оказывается гораздо больше, чем думала Надя, когда разглядывала его на картинке.

Девочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животного.

Хозяин слона, немец, подходит к девочке и говорит:

– Доброго утра, барышня. Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любит детей.

Слон вытягивает хобот и дует в самое лицо девочки тёплым сильным дыханием, отчего лёгкие волосы на голове девочки разлетаются во все стороны.

Надя хохочет и хлопает в ладоши. Немец густо смеётся.

Приносят поднос с булками. Девочка угощает слона. Он ловко захватывает булку своим пальцем и, согнув хобот кольцом, прячет её куда-то вниз под голову, где у него движется смешная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Томми в знак благодарности кивает головой, и его маленькие глазки ещё

больше суживаются от удовольствия. А девочка радостно хохочет.

Когда все булки съедены, Надя знакомит слона со своими куклами. Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками.

Наступает час обеда, но девочку никак нельзя оторвать от слона. На помощь приходит немец:

– Позвольте, я всё это устрою. Они пообедают вместе.

Он приказывает слону сесть. Слон послушно садится, отчего пол во всей квартире сотрясается и дребезжит посуда в шкафу, а у нижних жильцов сыплется с потолка штукатурка. Напротив его садится девочка. Между ними ставят стол. Слону подвязывают скатерть вокруг шеи, и новые друзья начинают обедать. Девочка ест суп из курицы и котлетку, а слон – разные овощи и салат.

Наступает вечер. Поздно. Девочке пора спать. Однако её невозможно оттащить от слона. Она так и засыпает около него, и её уже сонную отвозят в детскую. Она даже не слышит, как её раздевают.

Утром девочка просыпается бодрая, свежая, как в прежние времена. Она тут же вспоминает о вчерашнем и спрашивает:

– А слон?

Ей объясняют, что слон ушёл домой по делам, что у него есть дети, которых нельзя оставлять одних, что он просил кланяться Наде и что он ждёт её к себе в гости, когда она будет здорова.

Девочка хитро улыбается и говорит:

– Передайте Томми, что я уже совсем здорова!

➤ **Вопросы и задания.**

📖 1. Что происходит с маленькой девочкой? 2. Как автор передаёт состояние девочки? Какие чувства возникают у читателя? 3. Как доктор предлагает лечить девочку? 4. Найдите

в тексте описание игрушечного слона. Обратите внимание, какие выразительные средства использует автор, чтобы передать красоту этой игрушки. Почему же девочка остаётся равнодушной? 5. Как хозяин зверинца реагирует на необычную просьбу отца девочки? Почему он не отказывает Надиному отцу? 6. Обратите внимание на описание девочки до встречи со слонем и в то время, когда слон «гостил» у неё. Какие глаголы и прилагательные передают настроение девочки? 7. Почему после посещения слона девочка начала выздоравливать? 8. Как автор выражает своё отношение к героям рассказа?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях острой конкуренции иностранных языков со всей настоятельностью звучит требование привлекательности и эффективности языкового учебного процесса, а также значительности его результатов. С учётом разнообразия конкретных условий обучения поставленная задача может иметь множество решений.

Для русского языка (как многих других) этот вопрос нередко решается за счёт привлечения текстового материала, имеющего непреходящую общечеловеческую ценность, а именно: произведений художественной литературы.

Использование на занятии оригинальных текстов вводит студентов в реальную жизнь языка, его действительное функционирование, требует от них творческого (а не механического) использования приобретённых знаний – как языковых, так и страноведческих.

Возможно проводить работу над стихотворными текстами. Небольшое стихотворение может быть прочитано за одно занятие, благодаря чему достигается необходимая целост-

ность восприятия. Стихотворный текст с его обозримым набором словесных образов постоянно будет находиться в поле зрения читателя, таким образом легче устанавливать внутри текстовые связи.

Благодаря подобной работе учебный процесс станет более эффективным и интересным для студентов. Кроме того, использование произведений русских поэтов и писателей способно работать и на более отдалённую перспективу: формировать личность читателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

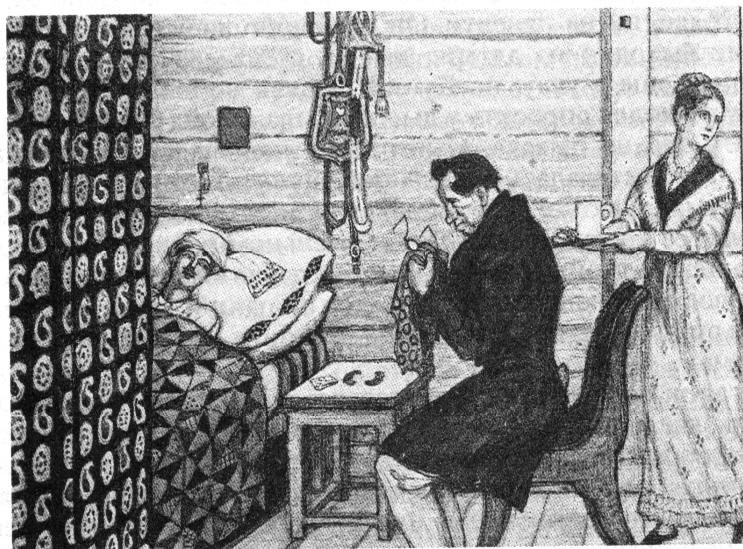
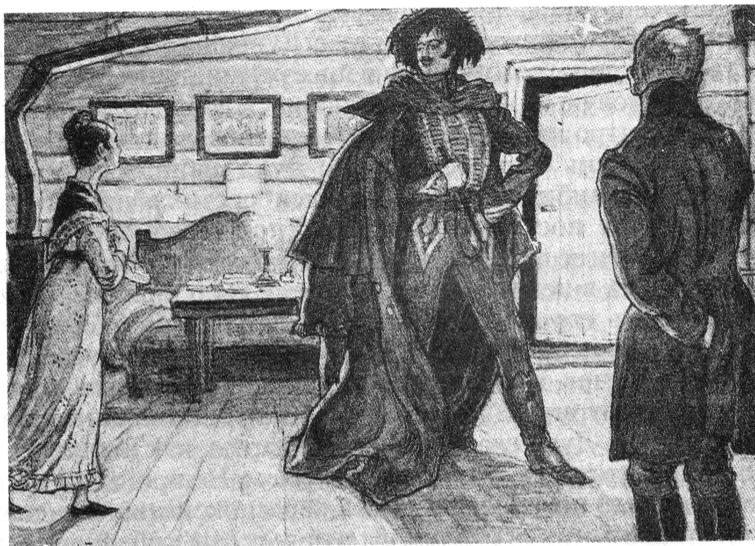

Рис. П1. Иллюстрации М.В. Добужинского.
Тушь, перо, белила, карандаш, 1905 г.

**Рис. П2. Иллюстрация А.С. Пушкина.
Наброски начала повести, 1830 г.**

**ис. ПЗ. Иллюстрации М.В. Добужинского.
Тушь, 1919 г.**

Рис. П4. Пукирев В.В. «Неравный брак», 1862 г.

Рис. П5. Новожилов Г. Иллюстрация к рассказу «Тёмные аллеи»

Рис. П6. Новожилов Г. Иллюстрация к рассказу «Тёмные аллеи»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапочка, И.К. Я читаю по-русски : книга для чтения со словарём / И.К. Гапочкин. – 5-е изд. – М. : Русский язык, 2006. – 119 с.

2. Жукова, Н.Н. Десять рассказов : книга для чтения / Н.Н. Жукова. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 2006. – 200 с.

3. Кулибина, Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного / Н.В. Кулибина. – СПб. : Златоуст, 2008. – 264 с.

4. Кулибина, Н.В. Читаем стихи русских поэтов : пособие по обучению чтению художественной литературы / Н.В. Кулибина. – 4-е изд. – СПб. : Златоуст, 2008. – 96 с.

5. Кухаревич, Н.Е. Я читаю и говорю по-русски. Средний этап / Н.Е. Кухаревич, М.Б. Будильцева, Н.И. Киселёва. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2004. – 128 с.

6. Попова, И.М. Русская женская проза рубежа веков : учеб. пособие / И.М. Попова и [др.]. – Тамбов : Изд-во Тамб. Гос. Техн. ун-та, 2008. – 100 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

..... 3

Тема 1. А.С. ПУШКИН

..... 4

Урок 1. СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ
..... 4

Урок 2. БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА
..... 9

Тема 2. М.Ю. ЛЕРМОНТОВ	12
.....	
Урок 3. МАКСИМ МАКСИМЫЧ	13
.....	
Тема 3. Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ	18
.....	
Урок 4. ЁЛКА И СВАДЬБА	18
.....	
Тема 4. Н.В. ГОГОЛЬ	24
.....	
Урок 5. НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ	25
.....	
Урок 6. НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ	27
.....	
Урок 7. ШИНЕЛЬ	33
.....	
Тема 5. А.П. ЧЕХОВ	60
.....	
Урок 8. О ЛЮБВИ	60
.....	
Урок 9. МАЛЬЧИКИ	66
.....	
Тема 6. И.А. БУНИН	70
.....	
Урок 10. АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ	71
.....	
Урок 11. ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ	74
.....	
Тема 7. А.И. КУПРИН	81

.....	
Урок 12. СЛОН	
.....	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
.....	85
ПРИЛОЖЕНИЕ	
.....	86
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	
.....	91